

ВЛАДАРТ ДЕЛЪСАТ

Ласточки

Владарг Дельсат

Ласточки

«Автор»

2026

Дельсат В.

Ласточки / В. Дельсат — «Автор», 2026

Вале пятнадцать, и больше всего на свете она любит небо. Аэродром, самолёты, запах бензина и тот миг, когда земля остаётся далеко внизу. Папа учит её летать, а мама когда-то сказала на прощанье: «Летай, моя синичка». И Валя собирается выполнить этот наказ. Летом 1941 года впереди ещё экзамены, тренировки в аэроклубе, письма подруге и мечта о лётном училище. Но начинается война — и очень скоро Валя оказывается среди девушек, которые отправятся на фронт. Им ещё предстоит доказать, что они умеют воевать не хуже мужчин. Стать друг другу сестрёнками. Летать по ночам на тихоходных «У-2», терять близких, бояться и всё равно поднимать самолёт в небо. А Синичке придётся научиться самому трудному: выполнить задание и вернуться. Потому что её ждут.

© Дельсат В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Командирская дочка	5
Воспитанница	9
Без мамы	13
Небо	17
Москва	21
На пороге испытаний	25
Сёстры	29
Первый раз	33
Предчувствие	37
Испытание	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Владарг Дельсат Ласточки

Командирская дочка

«Безграничная любовь к родине — неотъемлемое качество нашей молодежи. Каждый молодой человек, каждая девушка стремятся активно включиться в социалистическое строительство. Об этом свидетельствуют сотни заявлений добровольцев. В них выражены стремления советской молодежи как можно быстрее и лучше овладеть профессиями, как можно быстрее стать активными участниками созидательного труда, множить богатства страны социализма»¹.

Я лёгкая, на самом деле.

И для «У-2» лёгкая, и для планера тоже. На планере большой проблемой это было, пока папа в рюкзак не насовал песка, отчего центровку нарушать я перестала. На самолёте-то это проблема небольшая, да и инструктор во второй кабине не позволит машине завалиться. Вот такие у меня мысли в голове реют, когда я завершаю выход на посадку.

Подо мной знакомая до последней выщербинки взлётно-посадочная полоса родного аэроклуба, чуть поодаль обвисла «колбаса» на высокой штанге, показывая отсутствие ветра. Жаркий в этом году июнь выдался, летать одно удовольствие. Я очень летать люблю, с раннего детства, когда папа впервые меня в кабину посадил. Ой, как была мама недовольна!

Мама... Второй год заканчивается, как её не стало. Если бы не небо, я бы и не пережила ни болезни её, ни смерти. Мама... Я помню её руки, её ласку, её последний взгляд. И наказ её последний помню. Мама... Я выдюжу, ведь я комсомолка. В октябре мне шестнадцать исполнится, в школе последний класс, а там и лётное училище очередным этапом к мечте станет. Я хочу быть истребителем — защищать небо родной страны. И буду!

Инструктор дядя Вася управление не трогает, позволяет мне сесть самой, за что я ему очень благодарна. По правилам, его надо называть «товарищ инструктор», а «дядя Вася» для дома останется, потому что он папин друг. Папа меня научил летать и заразил любовью к небу, поэтому я всё-всё сделаю для того, чтобы летать. И вот сейчас доворачиваю, прибирая газ, точно выходя на полосу. Тут нужно правильно рассчитать, чтобы коснуться колёсами в самом начале полосы — это считается мастерством, шиком пилотским, и я очень люблю делать именно так.

Вот поскакал «утёнок» мой по полосе. Теперь главное не подпрыгнуть и не «скозлить», но у меня не получится; я с четырнадцати летаю, а материальную часть с раннего детства изучаю. Помогала техникам на папином аэродроме, ещё когда мне десять было. И в кабине сидела, и в планере... А ещё на руках летала, хотя это нельзя, но папе было можно, его командир разрешил, потому что я хорошо умею жалобное лицо делать.

Мой папа комэска в противовоздушной обороне. Его сюда из Москвы перевели, ну и меня вместе с ним, а мама там осталась. И месяца не прошло с её смерти, когда папу перевели. Я уезжать не хотела, но кто меня спрашивал? Я комсомолка, и если партия сказала «надо», значит, ничего не поделаешь. Вот я сейчас зарулю на стоянку, вылезу и пойду замечания получать.

На самом деле, в моём возрасте ещё в аэроклуб не положено, но разрешили в порядке эксперимента. Ну и те, кто постарше, видят же, как летает совсем юная девчонка, стараются не хуже летать, отчего успеваемость растёт, и это уже польза великая. Значит, Родина получит более подготовленных лтчиков. А меня ещё и к дисциплине приучают, поэтому я привыкла и замечания получать, и докладывать. Ну я же истребителем стать хочу, а им это надо.

— Товарищ инструктор! — выбравшись из кабины прямо с парашютом, начинаю докладывать. — Курсант Синичкина упражнение закончила, готова получить замечания!

— Молодец, курсант Синичкина! — улыбается дядя Вася. — Можешь отдыхать.

— А прыжки? — удивляюсь я.

— Вечером, — коротко отвечает он, на что я киваю, а потом, увидев папку, спешу к нему.

За мной папа приехал! И я бегу ему навстречу, как маленькая, чтобы обнять самого родного человека на земле. Одни мы с ним на свете, нет больше никого. Папины родители в Гражданскую сгинули, а у мамы вообще никого не было, папа её спас в двадцатом году от бандитов. Она тогда память потеряла, но он её выходил, так она моей мамой и стала. Я синеглазая, волосы у меня светло-русые, в тугую косу собранные, как мама любила. С косой в кабине не очень просто управляться, но мама же хотела...

До города Калинина, в котором мы на Пушкинской улице живём, каких-то десять километров, можно и пешком, но на папкиной «эмке», конечно, приятнее. И вот я обнимаю его, а он улыбается с гордостью, как только мой папка может. Ну и на автомобиль показывает, конечно.

— Молодец, отлично летаешь, — хвалит меня папа, заставляя просто растекаться от удовольствия. Папа же похвалил!

— Спасибо! А у меня вечером ещё прыжки! — хвастаюсь я. — Или у тебя другие планы?

— Поехали к реке, посидим, — на мой вопрос папка не отвечает, а это может многое значить.

— Ага! — согласно киваю я.

А в душе ещё звонкой песней звучит небо, маленькие с высоты домики и почти не видные люди, облака и припекающее солнышко. Настроение — лучше некуда, и только жалко очень, что больше пока нельзя, так бы и поселилась в небе, но я Синичкина, а не Облачкина, а птицы всё же на землю садятся. Фамилия у меня такая — небесная, с полётом связанная. Здоровская очень...

Папка заводит мотор, я же сажусь рядом с ним. Сегодня у нас день воскресный, а завтра с утра в школу — последние уроки, последние испытания. После девятого класса тоже уходят, бывает, потому у нас и экзамены. Тоже как эксперимент, потому что только у нас, в первой школе, насколько я слышала. Но к испытаниям я готова, потому что отличница. Семь классов я с отличием закончила, да и в последнее время «держу фасон», как Венька говорит. Это парень из нашего класса, он мне даже нравился в прошлом году, но потом небо вытеснило всех.

Вот мы выезжаем на берег Волги, по которой пароходик как раз плывёт. Длинный белый пароход, наверняка «Ленин», потому что очень похож по силуэту, а названия я отсюда и не увижу, но для лётчика названия не важны — не увидеть на скорости названий. Я в лётной своей одежде — военная форма из папиной части, по фигуре подогнанная.

— А давай после обеда ко мне? — интересуется моим мнением папа. — Ты же летать хочешь, а не прыгать.

— Мне до тридцати двух не хватает, — напоминаю я ему. — А...

— Это можно и у нас, — улыбается он. — Давай вместе полетаем?

— Ой... — от такого предложения я улыбаюсь пуще прежнего. — А не заругают?

— Не заругают, — качает головой самый лучший человек на свете. — Так как?

— Да! Да! Да! — взвизгиваю я. — С тобой же!

Я очень люблю с папой летать, потому что это такое единение в небе, что и не объяснить словами. Мы с ним не просто семья, а будто одно целое. И понимание у нас, и доверие на высшем уровне, и кажется мне это правильным. Поэтому мы сейчас сидим на берегу Волги, глядя, кажется, в будущее, а затем поедem в часть. И там я буду с папой летать, борясь с собой, чтобы не завизжать от счастья. Это же папа.

Папа, оказывается, не просто полетать хочет, он мне фигуры показывает! Учтывая, что я даже пока не летаю полностью самостоятельно, это просто сказка. И вот он закручивает «мёртвую петлю», а потом начинаются развороты, бочки, да одна фигура за другой следует, отчего я взвизгиваю. Восторг же, вот и взвизгиваю, а папа выводит самолёт горизонтально и учит уже меня.

— Ручку резко на себя, — командует он, и я тяну её, поднимая нос. — Стоп, в таком положении держишь машину. Как только скорость скинется до двух третей, выравниваешь.

— Ой! — вскрикиваю я, когда мне кажется, что сейчас «утёнок» посыпется, но он продолжает лететь, отчего мне очень радостно на душе.

— Этот манёвр называется «горка», — объясняет мне самый лучший человек на свете. — А сейчас ты его попробуешь несколько раз, затем я тебе покажу разворот.

— Здорово! — я действительно радуюсь тому, что меня сейчас учит папа.

Он, в отличие от дяди Васи, совсем не осторожничает, как будто и не думает о том, что у меня голова закружиться может. Она не может, но всё же... И вот я снова повторяю манёвр, раз за разом, раз за разом, пока у меня не начинает получаться само собой. Ну, мне так кажется, на самом деле. Хотя говорить о том, что я уже умею, рано, конечно. Мне ещё многому научиться необходимо, вот только кажется мне, что папа будто начал торопиться куда-то... Вот об этом я с ним в самолёте точно разговаривать не буду, мало ли что.

— Ещё раз повторяем — и на посадку, — информирует меня папа.

— Есть, — отвечаю я.

Несмотря на то, что он самый-самый близкий мой человек, понятие о дисциплине я имею. Когда-то давно только с этим условием он меня подпустил к самолётам. Сначала я их только гладила, потом внутренность изучала, потом, когда чуть подросла, и устройство мне рассказывали. Вот тогда пришлось попотеть, потому что механики на своём языке говорят, а я не понимала, вот и пришлось на физику подналечь. Зато я в школе лучшая!

Я знаю устав, только применять его умею не всегда, у меня хорошие знания физики, а моего «утёнка» я наизусть знаю, как он устроен. Случись что, наверное, и починить смогу, только не очень уверена, потому что не пробовала. Но думаю, если папа разрешит, то можно будет к механикам попроситься, и тогда научусь. Есть у меня ощущение, что папа начинает торопиться.

— К посадке готова, — сообщаю я в переговорную трубу. Чуть не забыла!

— Посадку разрешаю, — звучит папин голос, и я, сориентировавшись по посадочному знаку, принимаюсь уже привычно сажать машину.

И вот только тут до меня доходит, почему папа может торопиться — в августе комиссия прибывает обычно. Она в аэроклуб приезжает для приёма зачётов по пилотированию, ну и в части типа папиной. И вот тогда я могу получить допуски, пусть мне ещё и нет положенных лет! Хитрость тут такая: после получения допусков все полёты идут в лётный стаж! А вот лётный ста-а-аж очень сильно зачтётся при поступлении. Папка молодец, он до всего додумался, а я не догадалась. Вот поэтому он командир, а я ещё школьница.

На посадке чувствую навалившуюся усталость, но вывожу самолёт нормально и докатываюсь потом до стоянки. Ну, чтобы механики не ругались, оттого что им работа дополнительная. Усталость уже серьёзная, всё-таки помоталась я хорошенько, факт! Выскочив из самолёта, подхожу к папе, но обниматься не лезу, хоть и хочется, а докладываю о том, что задание выполнила.

— Отлично, — кивает в ответ папа. — Обслужите самолёт.

— Есть, — я удивлена, но вида не подаю.

А почему я не подаю вида? Потому что догадалась же уже, папка-то этих комиссий видимо-невидимо пережил, так что он знает, что говорит. И вот я, чувствуя себя очень утомлённой, тем не менее сбрасываю парашют и лезу мешать механику. Толку от меня сейчас чуть,

но я надеюсь, что Василий Павлович слышал папино распоряжение и даст мне что-то посложнее сделать, чем ключ полировать.

— Масло проверь, — даёт мне указание механик, потому что сейчас старший он.

— Есть, — отвечаю я, ведь папа никуда не ушёл и смотрит.

Присматривает за мной мой самый близкий человек на свете. Я вижу тревогу в его глазах, но и решимость. А выполнять приказ надо, тут никаких скидок быть не может. Мало ли что устала! Может, папка ещё проверяет меня, и если справлюсь, то будет мне какой-нибудь подарок. Ну помечтать-то можно? Вот я и мечтаю... О небе я мечтаю, потому что мороженое... После маминей смерти я боюсь его, ведь она заболела после того, как поела мороженого в кафе. Я знаю, что не из-за него, но где-то внутри считаю, что именно оно и было виновато. Переубедить меня невозможно, папка уже и не пытается.

— Молодец, — хвалит меня Василий Павлович. — Отлично справилась. Иди доложишься.

— Спасибо, — улыбаюсь я.

Понятно же, что ничего посложнее мне делать не позволят, поэтому и такое формальное исполнение приказа — оно тоже правильно. И я иду докладывать папке, а он уже что-то задумал, я вижу. По хитринке в его таких родных глазах вижу, значит, что-то будет... Любопытно просто до писка, но мне надо быть серьёзной.

— Товарищ командир, приказание выполнено! — поднимаю я руку к мягкому пушистому шлему.

— Ну пойдём, курсант Синичкина, — зовёт он меня за собой, улыбаясь так, как только мой папка умеет. — Лётная книжка с собой?

— Да, — киваю, сразу же залезая в верхний карман гимнастёрки, чтобы достать документ.

И будто смывает волной усталость, потому что папа меня в штаб полка ведёт. Конечно же, я знаю, где и что здесь находится, ведь я частая гостья у папки, да и его командиры ничуть не возражают. Вот идём мы, идём, а я пытаюсь понять, что папа задумал, и не могу никак. Поэтому следую чётко за ним, а он заходит в дверь, на которой «Начальник штаба» написано. Ну и я за ним, потому что другой команды не было.

— Видел, — начальник сегодня вроде бы важный, а вроде и нет — он улыбочивый очень. — Согласен.

А потом, будто и не замечая меня, что-то пишет в моей лётной книжке и ставит печать. Я от любопытства, наверное, сейчас взорвусь, а эти военные переглядываются и улыбаются, но ничего не говорят. Так нечестно же, и я уже хочу об этом сказать, но тут в дверь входит самый главный начальник, который командир полка. Я от неожиданности по стойке «смирно» становлюсь, ну, как я её себе представляю, конечно. Учитывая, что папка старается не смеяться, так себе у меня получается... Эх...

Воспитанница

«От того, насколько верно в соответствии со своими склонностями и способностями молодой человек изберёт себе специальность, во многом будет зависеть качество будущего специалиста — активного участника строительства коммунистического общества. Популяризировать учебные заведения своей республики, области, города — первостепенная задача местной печати и в первую очередь комсомольской»¹.

С самого утра я всё ещё под впечатлением произошедшего. Я не знаю, как папке это проверить удалось, да и вообще никогда о таком не слыхала. Получается, меня из аэроклуба в часть перевели... Ну не совсем перевели, хотя в документах именно так и будет. То, что командира части, я, кстати, не знала, но вот произошедшее — что-то из разряда невозможного. Поэтому я со вчера под огромным впечатлением, а уж слова замполита части о том, что это политическая мера...

Так я вся в думках, что не замечаю ничего вокруг, механически одевшись, умывшись, позавтракав и сбежав в школу. Папа говорит, что за полгода я научусь летать очень даже хорошо, а потом стану достаточно сильной, чтобы и на истребитель пересесть. Там нужна недюжинная сила, абы кто и не справится. И мне надо качать руки, ноги, тренировать выносливость...

— Тяните билет, — спокойный голос Петра Евсеича, учителя географии, выводит меня из раздумий.

Встрепенувшись, я оглядываюсь с удивлением. Обнаруживаю себя в классе, ставшем мне за это время родным. Ничем он почти не отличается от привычного старой московской школы, где остались все друзья. Здесь-то у меня друзья тоже появились, но те, старые, навсегда в сердце и в письмах.

Летнее солнце заглядывает в кажущиеся прозрачными окна, старый дуб стремится защитить нас от острых утренних лучей, за окном же, будто подбадривая меня, скачет воробей. Я осознаю себя на испытании по географии. Оно предпоследнее, впереди только физика, и всё. Письменные прошли в первые дни лета, математику я в субботу сдала, а вот теперь и география.

Моя рука даже без участия головы выбирает билет. Несмотря на то, что я всё знаю, но на удачу всё равно надеюсь. Вот и билет, который мне чем-то нравится, хотя полоски бумаги все одинаковые. Я переворачиваю его, всё ещё находясь в своих мыслях, отмечаю номер...

— Билет номер семь, — громко произношу я. — Первый вопрос...

Учитель слушает мой голос, это заметно. И тут я понимаю почему — вчера же весь день летала, а потом меня товарищ замполит правильным докладам учил. В сентябре будет смотр авиационных частей, вот на нём я и предстану эдакой диковинкой. Может, даже благодарности удостоюсь... Опять я отвлекаюсь.

— Чётко, по-военному, — улыбается Пётр Евсеич. — Идите, готовьтесь.

— Разрешите без подготовки? — спрашиваю я, чем его немало удивляю: вопросы у меня непростые в билете. Но папка сказал, что нужно быть уверенной в себе, вот и буду тренироваться.

— Извольте, — кивает наш учитель.

Я сосредотачиваюсь. Интересно, почему моя рука выбрала именно этот билет? Это что-то значит, или же просто так случилось? Но нужно отвечать, поэтому я вдыхаю, выдыхаю и

¹ «Правда» №158 (8566) от 9 июня 1941 г.

начинаю свой ответ, отрешившись от яркого синего зовущего неба за окном. Конечно, оно зовёт меня, ведь я живу им, мечтая снова оказаться в самолёте.

— Донецкий угольный бассейн — один из важнейших промышленных районов Советского Союза. Он расположен на территории Украинской ССР, главным образом в Сталинской области, — подойдя к карте нашей страны, висящей на доске, уверенно обвожу указкой его контуры. — Крупнейшие города... — указка скользит по карте, — Сталино, Горловка, Макеевка, Ворошиловград.

Я рассказываю о Донбассе, перечисляю угольные районы, указываю на его стратегическую важность, а учитель слушает, не прерывая. Выстраивая фразы в голове заранее, я продолжаю свой доклад, но меня останавливают. Видимо, поняв, что говорить я могу долго, Пётр Евсеевич поднимает руку ладонью ко мне.

— Достаточно, товарищ Синичкина, переходите ко второму вопросу, — мягким голосом произносит он.

Вторым вопросом у меня Кубань. Я начинаю говорить о сельском хозяйстве, а в голове рисуются удобные для посадки площадки. Но военной авиации именно на Кубани делать нечего, при любой войне она будет глубоким тылом, как и Донбасс, кстати, так что эти знания мне совершенно точно не пригодятся. Вот капиталистические страны — вот там интересно, но больше, наверное, для бомбардировщиков.

— Кубанские колхозы — одни из самых передовых по механизации, используются тракторы, жатки, комбайны. Также развиты животноводство и птицеводство, — добавляю я, принявшись ссылаться затем на слова товарища Сталина о Кубани.

— Остановитесь, — просит меня пожилой уже учитель. — Вы прекрасно подготовлены, Валентина. Превосходно, просто превосходно!

И с очередным «отлично» я выхожу из класса, чтобы не мешать моим одноклассникам. Мне кажется, полдня прошло, но солнце против такой оценки, а когда я перевожу взгляд на круглый циферблат часов, висящих посреди школьного коридора, то и сама вижу, что с начала испытания всего полтора часа прошло. На сегодня я свободна, но мне ещё в комитет комсомола зайти надо.

Дело в том, что в воскресенье всесоюзный кросс будет. И я, как комсомолка, бегу вместе со всеми, поэтому мне нужно уточнить детали, взять номер и привести в порядок спортивную одежду. Вот за этим мне и нужно будет зайти, а потом я, наверное, к папе на аэродром отправлюсь. Может быть, разрешат ещё разок полетать? Все мои мысли о небе, я хорошо понимаю это, но папка говорит, что нет в том ничего плохого, и я не задумываюсь.

Выйдя на школьный двор, оглядываю двухэтажное здание школы, застывшее посреди зелени. С улицы слышится позвякивание трамвая, вокруг птицы поют, радуясь лету, а над всем этим висит голубое — ни облачка — летнее небо, будто обнимая, как мама. Мама... Надо будет папу попросить в отпуск в Москву съездить — к маме. Мне ей столько надо рассказать! И пусть она не ответит, но разве ж это главное? Мамочка...

Неожиданно для себя я всхлипываю, сразу же быстро оглядываясь — не видел ли кто? Но школьный двор пуст — младшие совсем не здесь, а старшие ещё на испытаниях. Отчего-то настроение становится на мгновение минорным, но я быстро беру себя в руки, изменив тем не менее планы. Отправляюсь-ка я сейчас к папе. Если и нельзя полетать будет, то хотя бы посижу в тени крыла. Хочется мне сейчас этого, просто очень.

В Москве бы Варька меня сейчас утщила в кино, а тут вот настолько близких друзей у меня пока не случилось. Это потому что времени, наверное, мало прошло, ведь с Варей мы с детства самого дружим. И родители наши всегда вместе летали, а вот в этот раз что-то не вышло у её отца, так и получились мы по разным городам.

И, приняв решение, я иду к трамвайной остановке.

Папка сегодня не летает, поэтому мы сидим сейчас с ним под крылом учебного самолёта на самом краю поля и разговариваем. Я уже переодета в привычную форму — штаны, гимнастёрка, потому что в платье на аэродроме неудобно, отчего сижу вполне комфортно, без опасений, что подол задерётся. Папа грызёт травинку, глядя вдаль, куда-то в сторону от города, где виднеется лес.

Я синими глазами в папу пошла, а густыми светло-русыми волосами в маму. Папа у меня, как богатырь, плечистый, высокий, а я пока не очень длинная получаюсь, но это и хорошо — в любой самолёт помещусь. Я очень люблю такие моменты посиделок с ним. Дома-то можно чай заварить с баранками, но вот так, рядом с самолётами, мне нравится больше. Будто нет никого в мире — только папка и я.

— Будет, дочка, — вздыхает он на мой прямой вопрос. — По слухам, пятнадцатого чуть не началось, да изменилось что-то, так что точно будет, и, наверное, скоро.

— Ты поэтому торопиться начал? — интересуюсь я.

— Ты пойдёшь летать, я тебя знаю, — усмехается папка, обняв меня за плечи. — Не знаю, как, но своего обязательно добьёшься.

— Так меня и пустили, — вздыхаю я, хотя примеры, конечно, в газетах есть.

— Кто знает... — он вздыхает, прижав меня к себе, отчего я счастье ощущаю. — Как отец, я бы не пустил тебя никуда, но... Я тебя знаю.

Он меня действительно хорошо знает. Если будет хоть какая-нибудь возможность, я рванушь в небо, тут он прав. Да только если война какая-нибудь и случится, то я просто не успею — ведь всё за пару месяцев закончится. Наша армия самая сильная в мире, она быстро любого агрессора отучит нападать, так что готовиться, наверное, надо, но в моём случае я буду только грустно вздыхать и за папу беспокоиться.

— Пойдём, дочка, — внезапно прервав наши посиделки, приглашает меня папа.

И я вскакиваю, конечно, потому что он же не просто так зовёт! А папа шагает к столовой, как будто чувствует, что я уже проголодалась. Я поспеваю за ним, хотя это трудно — шаг у него широкий, идёт он быстро, ведь ему так привычно, а я скачу следом, как собачка на верёвочке. Вот такая у меня сейчас ассоциация смешная. Значит, меня сегодня в части покормят. Интересно, а что будет потом?

Я не очень хорошо поняла объяснения заместителя командира по политической работе вчера. В той части, что меня будут учить летать хорошо, то понятно, а вот всё остальное — не слишком. Что значит «участвовать в работе полка»? Как именно? Вот это и неясно. Но сейчас я вижу группу военлётов, подходящих туда же, к столовой, и среди них даже знакомые мне. Уже думая радостно подбежать к ним, я вспоминаю, что мне папа говорил о военной службе, поэтому пытаюсь идти строевым шагом, вмиг от папы отстав. А он по-военному здоровается с сослуживцами и останавливается, явно меня поджидая. И тут я понимаю — это проверка. Моей решимости, моей готовности, моего понимания оказанного доверия.

— Здравствуйте, товарищи, — здороваюсь, встав по стойке «смирно», насколько я её понимаю.

— Здравствуйте, товарищ воспитанница, — слышу в ответ. — Да, командир, ты прав, — это дядя Сеня говорит, он старший лётчик в папиной эскадрилье. — Вольно.

А затем мы все в столовой оказываемся, где я получаю полную тарелку густого наваристого борща, поверху которого сметана плавает. Усевшись рядом с командирами, делаю вид, что всё происходящее меня никак не касается, но слушаю, конечно. А папка объясняет, с чего это я вдруг воспитанница и почему именно так. Вот тут очень интересно — меня можно было иждивенкой при отце записать, но товарищ замполит счёл, что именно воспитать лётчика в части, да ещё и девушку — это очень хорошая мысль, которая может показать, что и другие авиационные полки могут делать то же самое.

— Но есть же аэроклубы, — возражаю я, не сдержавшись. — Там тоже готовят и лётчиков, и парашютистов.

— Есть, — соглашается неизвестно откуда взявшийся Иван Петрович. — Ещё как есть! Но мы хотим доказать, что передавать опыт можно прямо в ежедневной работе, понимаешь меня?

— Не очень, — честно признаюсь ему. — Но вам виднее, значит, потом пойму.

— Умная она у тебя, — смеётся замполит. — Про кросс все помнят? Валя бежит с первой эскадрилей.

— Не со школой? — сильно удивляюсь я. — Но...

— Нет, — качает он головой. — На кроссе будут корреспонденты... Понимаешь?

— Ой, — реагирую, едва не подавившись картофелиной из борща.

Да, получается, что бежать я должна с эскадрилей. Я же не малышка, всё отлично понимаю — корреспонденты напишут хорошо, будет и мне проще потом. С женщинами в авиации, на самом деле, не всё просто, поэтому папа и решил мне помочь. И командиры тоже решили, ну а то, что замполита при этом погладят, разве ж плохо?

В аэроклубе я летала не совсем законно. Во-первых, лёгкая, во-вторых, рано. А здесь, получается, решили всё по правилам сделать. Не знаю, насколько это правильно, но, если начнутся проверки, я себя показать должна. С самой лучшей стороны! Иначе же у папы неприятности могут быть, а этого мне очень не хочется.

— Тогда, выходит, мне не только летать надо учиться, — понимаю я, давя опять непонятно откуда взявшуюся грустинку.

— Умная она у тебя, — повторяет Иван Петрович. Папе очень нравится, когда меня хвалят, да и мне, что скрывать, тоже.

Результатом этого обеда становится строевая подготовка. Мне кажется, старшие товарищи решили проверить, насколько я готова делать не то, что хочется, а то, что надо. Но это они зря, потому что я же с самых юных лет по аэродромам и очень хорошо это слово знаю. Папка явно опасается, кстати, что я обижусь, поэтому, наверное, объясняет мне:

— Всё начальство любит, когда красиво ходят, правильно стоят и докладывают, — говорит он мне, пока мы к самолётам идём. — А тебя будут показывать, так что сама понимаешь...

— Я понимаю, папа, — киваю в ответ на его слова. — Я же не маленькая.

— Не маленькая ты моя, — отчего-то вздыхает он.

Как они со школой решат, вот в чём вопрос, ведь у меня ещё десятый класс впереди. Но думаю, что всё за лето оформят и мне расскажут. Так что много размышлять не надо, а надо мне сейчас... Думаю, папка занятие мне найдёт. Учитывая, что идём мы к самолётам, а летать по времени не положено, то, наверное, к механикам направит? Или ещё куда-нибудь? Любопытно мне очень-очень!

Надо будет потом посмотреть, нет ли письма от Вареньки. Очень мне любопытно, как у неё с Ваней — серьёзно или так просто? Так-то он парень серьёзный, но кто же знает, что у мальчишек в головах!

Без мамы

«Без контроля за учёбой комсомольского актива не может быть успеха в политическом самообразовании. Речь идёт не о формальном контроле, когда интересуются лишь количеством изученных глав „Краткого курса истории ВКП (б)“. Нет, нужна существенная проверка знаний в товарищеских беседах на теоретические темы. Это даст возможность видеть, как работает с книгой каждый активист, чтобы во-время указать ему на недостатки и помочь преодолеть трудности в учёбе»².

День десятого июня пролетает в сплошной учёбе — я повторяю физику. Запоминая почти наизусть главу за главой, я учу эту механику с электрикой, и когда уже устаю так, что ничего не понимаю, ко мне подходит кто-то из механиков. Я даже не сразу понимаю, кто это, но здоровый дядька подводит меня к самолёту, показывая: «садись». И я покорно залезаю.

Вот только оказавшись в кресле, чувствую, как вдруг уходит усталость. Будто меня сам самолёт лечит, подбадривает и, подрагивая элеронами, очень хочет в небо. Но мне нельзя сейчас — я к полёту не готова. Зачем же меня усадили-то? С утра папа забрал меня с собой, потому я на поле учу, а не дома, но разницы для меня никакой, не отвлекаться я умею.

— Ну-ка, воспитанница, — звучит басовитый голос папкиного механика, — расскажи мне, что происходит, если повернуть этот рычажок.

— Магнето является источником искры, — начинаю я доклад, рассказывая, для чего искра нужна и как это всё выглядит с электрической точки зрения.

— А если у тебя заглох двигатель и не работают приборы, что делать нужно? — продолжает расспрашивать.

И я рассказываю всё подряд. И как чинить, и как приземляться, и где в проводке что находится, а он всё кивает. И вот тут я понимаю: это ведь то же самое! Вот замкнутая цепь, вот разомкнутая... Осознав практическое применение того, что учу, я улыбаться начинаю, а механик берёт учебник мой и принимается задачки с самолётом ставить. Одну просто за другой! И я всё решаю! Иногда мне нужно посчитать, для чего на свет карандаш и блокнот появляются, но проблем у меня не вызывает ничто.

— Всё ты отлично знаешь, — улыбается он. — Так что пойдём.

И вот он меня ведёт в штаб. Ведёт — значит, нужно, а я вспоминаю утреннюю встречу с одноклассницей. Я ждала папу, увидев Ирку, она спешила на свидание. И вот сейчас иду за механиком, а мне вспоминается наша встреча. Я в военной форме у машины жду, а она в ярком летнем платице покосилась только на меня и, не здороваясь, унеслась к своему Павлу.

Да, военная форма не делает меня красивой, зато она удобная, особенно в полётах, и я к ней привыкаю. Именно каждый день ходить привыкаю. Товарищ замполит говорит, это нужно для того, чтобы в грязь лицом не ударить. Как одно с другим связано, совершенно не понимаю, но пусть будет, ему же виднее! Вот завтра экзамен сдам последний и буду уже летать каждый день. Ну, я надеюсь на это. Положена же мне награда за отличное окончание девятого класса?

— Постой тут, — просит меня механик. — Я мигом.

И я остаюсь у дверей штаба в полном недоумении. А вокруг меня лето — зелёная трава, жаром пышет солнце, притягивает взгляд небо. Я смотрю, но будто не вижу аккуратных домиков казарм и хозяйственных построек, выстроившихся как по линейке на стоянках истребителей, и мне кажется, всё моё существо стремится в небо. И мысли мои все о нём. Не умею я природу ценить, наверное...

² «Комсомольская Правда» №134 (4920) от 10 июня 1941 г.

Мама хорошо умела рассказывать о том, что нас окружает, в её словах оживали и облака, и деревья, и даже осенний листок кружил вальс, а не направление ветра показывал. Но мамочки больше нет, а с ней, кажется, из моей жизни ушла и эта красота, оставив после себя только небо. Прекрасное, глубокое, будто втягивающее в себя, зовущее остаться навеки. «Отчего люди не летают, как птицы?»³

Со смертью мамы многое ушло из моей жизни. Я очень хорошо помню тот самый день. Я отпросилась из школы, чтобы проведать маму в больнице. Она была жива, когда меня наконец пустили в отделение. Её последние слова: «Летай, моя синичка», — я запомнила навсегда. Её наказ мне — летать. А потом мамы не стало. Как-то вмиг, ведь только что мы говорили, она даже улыбаться пыталась, а потом вдруг раз — и всё. И солнце померкло, трава стала серой, ветер замер, и весь мир будто вмиг замёрз, хотя было жарко...

Я не вижу красоты природы, отчего сочинения мои блёклые и механические, не ем мороженого, живу небом... В моей жизни есть только двое — папка и Варя. Это ведь она тогда была рядом, у неё на плече я выла от нестерпимой боли, поселившейся в груди. Если бы не она, кто знает, что было бы со мной. Варя мне как сестра. Но затем пришлось переезжать и мы долго прощались на вокзале. А в новой школе всё уже было не так...

— Валюша, ну чего ты? — я слышу голос Зины Павловны, докторши из медчасти, и в тот же миг обнимают меня её руки. — Пойдём, моя хорошая, пойдём.

— Нельзя, — отказываюсь я, пытаюсь сдержать слёзы, ведь эти объятия такие... — Сказано здесь ждать.

— Вот ведь ироды, — она рывком открывает дверь штаба и, увидев дежурного, сообщает ему: — Командирам передашь, Валя у меня, ясно?

— Ясно, товарищ военврач! — чётко отвечает дежурный.

Не знаю, как она сумела почувствовать, но теперь Зина Павловна увлекает меня к себе, а перед моими глазами мама стоит. Как она улыбалась, как радовалась и сердилась, как командовала даже папой! Её лицо, её улыбка. И чувствую я, что сейчас просто разревусь, как маленькая. Вот что на меня нашло?

— Маму вспомнила Валюша, — ласково произносит доктор. — Пойдём, поплачешь у меня, полегчает нашему солнышку.

— Почему солнышку? — не понимаю я.

— Потому что в небе живёшь, прямо как солнце, — улыбаясь, говорит она и заводит меня в помещение санчасти. — Маня, ну-ка организуй нам чаю с мятой и сладость какую-нибудь. Видишь, дочка полковая маму вспоминает.

— Ой, мамочки! — совсем молоденькая медсестра сразу же начинает шевелиться, а меня усаживают на кровать.

— Ты очень взрослая, Валюша, — объясняет мне Зина Павловна. — Но все же ребёнок ещё. А всякому дитю тяжело без мамы. Расскажи мне и поплачь, всё легче будет.

— Я не знаю почему... — пытаюсь объяснить ей, но это, наверное, и не надо.

Вот тот факт, что меня полковой дочкой называют, с ходу удивляет сильно, потому я плакать раздумываю, пытаюсь всё же понять, отчего на меня со вчера грустные мысли напали. Приближается годовщина — может быть, поэтому? Или я просто устала? Не знаю... Но сейчас тётя доктор полечит меня, и я буду снова счастливо летать. Эта хандра, она временная.

— У тебя завтра последнее испытание в школе? — негромко спрашивает меня доктор.

— Да, — отвечаю коротко, ещё не придя в себя.

Неужели она права и я ребёнок ещё? И реагирую так именно поэтому — мне хочется маминого тепла, объятий... Но положила руку на сердце, разве это не так?

³ А. Н. Островский «Гроза».

Папа вчера долго сидел со мной и молчал, а потом взял на руки, как в детстве, и унёс домой. В автомобиль сначала, конечно, а домой уже потом. Принёс, уложил в кровать и долго гладил по голове, как тогда, два года почти назад. Всю ночь мне ничего не снилось, как будто закрыла глаза, открыла, а уже и утро. Зарядка, завтрак, школа...

Вчерашняя тоска ушла, исчезла, будто смыла её чаем с мятой докторша папкиной сан-части. Зинаида Павловна мне показала вчера, что постоянно себя в руках я не удержу. Значит, иногда надо давать волю моей внутренней Вале, которой очень плохо без мамы, но радостно в небе. Надо давать ей волю. Так я думаю, выполняя упражнения специального разминочного комплекса.

— Валя, ты когда заканчиваешь? — ловит меня папин вопрос у самой двери в ванную комнату.

— Думаю, скоро, а что? — интересуюсь в ответ. — Погоди минутку!

Я прыгаю под душ, задумавшись о том, почему папа спрашивает. Быстро помывшись, выскакиваю обратно. На столе уже готов завтрак, и сегодня он плотнее, чем обычно. Уже любопытно, что задумал мой папа. Но тысячу вопросов не задаю — время. Приступив к завтраку, продолжаю раздумывать, ведь непонятна сама суть вопроса. Прикидывая так и эдак, я не выдерживаю.

— Пап, ну скажи! Ну скажи, папа! — молю я его.

— Я тебя отвезу в школу, а там тебя сюрприз ждёт, — усмехается папа, но потом задумывается, подмигивает мне и продолжает: — Форму надень.

— Заругают... — с сомнением произношу, но вижу его жест и удивляюсь. — Что?

— Ты воспитанница авиаполка, — объясняет он. — Имеешь право носить.

Что-то мне происходящее сказкой кажется, как будто проснусь — а там всё небывальщиной станет. В школу положено в школьной форме ходить, но и о статусе воспитанницы правда. Но я думала, это только на бумаге... Ну, для стажа. Хотя так со мной папа шутить не будет, он не Витька Шмыгаль из старой моей школы с его глупыми шутками. Значит, что-то готовится, но что? Непонятно.

Впрочем, папка ещё ни разу меня не обманывал, поэтому я надеваю форму: штаны, гимнастёрку, сапоги. Ремень ложится правильно, я его подтягиваю, пилотка сверху, и я готова. Петлицы у меня, разумеется, чистые, но вряд ли дело в этом. А вот в чём — судя по всему, в школе узнаю. От любопытства меня того и гляди разорвёт. Папа кивает, показывая на дверь, и я, конечно же, спешу на выход, думая только о том, что мне скажут учителя на такую демонстрацию.

Кажется мне, что демонстрация нынче не у меня. Я понимаю это, когда вижу несколько автомобилей прямо у нашей средней школы номер один. И не только «эмки», но и «ЗИС», и ещё одна, непонятная какая-то. Значит, у нас нынче гости, а учитывая, что у машин трутся люди в форме, то испытание у меня будет необычным. Может ли так быть, что вчера меня к нему готовили?

— Приехали, — констатирует папа, оглянувшись на меня, и быстро инструктирует: — Вести себя по уставу, ничего не пугаться, ясно?

— Ясно, — киваю я. — А...

— Потом, — отрезает он, открывая дверь.

У нас с папой абсолютное взаимопонимание, он будто мысли читает. Поэтому, наверное, я рот закрываю, выхожу из автомобиля, оправив одежду, надеваю пилотку, выправив её. Если судить по сказанному папой, гости имеются, они по мою душу и довольно высокостоящие. Не командующий, но мало тоже не будет. Значит, мне нужно показать не только знание физики, но и военную себя. Хотя военная из меня, как из «утёнка» бомбардировщик...

— Готова? — коротко спрашивает папа.

— Да, — киваю я, становясь серьёзнее.

Значит, сейчас будет то, что во всех частях театром называется. Будь я помладше, приняла всё за чистую монету, но сейчас-то я много чего знаю, слышала ещё больше, да и с военными постоянно, так что не удивляюсь. Суть театра обычно такая: большому начальнику показывают нечто замечательное. Ну вот сегодня этим замечательным буду я. Почему бы и нет? Тем более что всё равно не спрашивают.

Главное, не рассказывать это в такой форме, ибо НКВД не спит. Так что сейчас будет строевой шаг, готовность умереть за Родину и «ура» перед строем. За Родину умереть я готова, если нужно будет, я же комсомолка, но вот всё остальное... Это не хорошо и не плохо, просто так принято в армии. Можно сказать, традиция. И несмотря на то, что я верю в нашу армию и флот, традиции лучше соблюдать.

Вот с этими мыслями я и перехожу на строевой шаг, насколько меня смогли товарищи лётчики подтянуть, едва завидев петлицы командиров, собравшихся у класса, где мне предстоит сдавать свой очередной экзамен. Последнее в этом году школьное испытание и первое в качестве воспитанницы, судя по тому, что я вижу. Итак, выбрать самого старшего по званию. На зрение я не жалуюсь, поэтому самого главного вижу сразу же, пока иду. Тут же понимаю, какую ошибку чуть не совершила, не заметив сразу красную звезду с серпом и молотом, нашитую на обоих рукавах выше обшлага.

— Товарищ бригадный комиссар! — начинаю я доклад, сводящийся к тому, что воспитанница для испытания явилась.

— Вольно, воспитанница Синичкина, — улыбается мне совершенно незнакомый бригадный комиссар, а затем подходит, берёт руками за плечи и заглядывает в глаза. Взгляд его тяжёлый, острый, пробирающий до печёнок. — Так вот ты какая...

Тут главное молчать, потому что приказа открыть рот не было. Что ещё интересно — дверь в класс распахнута, за ней я вижу и учителя, и даже директора, при этом оба бледные какие-то. Наш класс сидит, готовится... Вот кого стоит пожалеть: они такого и не видели никогда, Калинин не Москва. Ну вот, мне приказывают приступить к испытанию, а внутри...

— Товарищи, сейчас Валентина покажет вам, как физика может помочь в жизни и работе, — директор не слишком уверенно говорит. — Прошу.

И начинается то, через что меня вчера прогнал папкин механик. Только намного мягче получается и спокойнее. Я же, придя в себя, докладываю, как на параде. Тут действительно так надо, ведь у самой двери я вижу очень характерно выглядящего дядьку с блокнотом в руке. Значит, обо мне узнают многие, и это может помочь и авиации, и лично мне. Всё же зачем это сделано?

Причин может быть несколько: подготовка к праздникам, какая-то программа или же просто изображение пути девушки. Хотя девушек-лётчиц хватает, почему тогда я? Совершенно непонятно, хоть и может объясняться простым «хочу». Но я ненужные вопросы задавать не буду, мне в следующем году в училище поступать, а там что угодно помочь может. Так что...

Небо

«...по данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям...»⁴

А вот с кроссом у меня случилась неожиданность. Товарищ комиссар обратил внимание на то, что «спортивная смена» у меня уже есть и бежать кросс мне, во-первых, не нужно, а во-вторых, ещё и не слишком честно, поэтому папа везёт меня сейчас на аэродром. Ещё целая неделя, даже десять дней, и потом мы поедем к маме. Папка обещал!

Эксперимент со мной разрешили, но именно «воспитанницей» я не называюсь, потому что есть живые родители. Теперь я просто — без звания, но с разрешением находиться и учиться в части. Ну и стаж, конечно... Как закончу школу, меня совершенно точно возьмут в лётное училище, а вот там уже и будет самый главный экзамен — стать лучшей. Поэтому пока обо мне газеты не напишут. Точнее, напишут, но специальные. Как-то так я поняла товарища комиссара. Ну а мне-то что? Мне главное, чтобы летать разрешали, а всё остальное неважно. И папка это знает, даже слишком хорошо, поэтому сейчас мы едем в часть.

У всех уже каникулы, а у меня сегодня будет штурманская подготовка. Будут учить, как правильно определять, где самолёт находится. Это правильно, истребителю это очень нужно! Я рада тому, что учить меня разрешили. Ну а то, что не в аэроклубе, так товарищи сказали, что нужно показать умение армии кадры ковать, очень нам это понадобится, «если что». Хотя что может случиться после вчерашнего заявления ТАСС, я себе не представляю.

Впрочем, это не так важно, ведь я сегодня и полетаю ещё, и поучусь чему-то нужному, а это совершенно точно важнее, чем в кино идти, хотя я б сходила. Но, выбирая между кино, пляжем и небом, я всегда выберу небо. И папа знает, что я его выберу. Пусть кто-то считает, что это не слишком правильно, но для меня нет ничего важнее его.

Странно, на самом деле... Я будто плёнкой невесомой отделена от моего нынешнего класса. И хоть отношения у нас ровные, подруги есть, друзья, но всё не то. А вот Варька прислала вчера письмо просто сказочное. Читаю его, и кажется, будто рядом она сидит, мне рассказывает обо всём. И новости... Иванова опять попала на списывании, теперь её прорабатывать будут, Витицкий уходит после девятого класса на завод — у него отец приболел, Александров разбился на планере... Будто здесь они все, рядом. Очень надеюсь я со старым своим классом встретиться, когда мы в Москву поедем. Сначала-то на кладбище, к маме, а потом и встречусь со всеми, скучаю я...

Думала, что расстаться просто будет, а вот и не вышло у меня такого. Новый класс-то меня принял и не принял одновременно. Трудно это объяснить, потому что всё на ощущениях моих да на мыслях, но вот как объяснить, я не знаю. Впрочем, сейчас надо на учёбе сосредоточиться, чтобы затем в училище быть лучшей. И по теоретическим предметам, которые можно просто заучить, хоть я так делать и не люблю, и по практическим, где может решить только опыт. Интересно, зачем политуправлению нужно, чтобы девушка стала лучшей?

Тайны какие-то вокруг меня, ну да ничего. Папа говорит, что всё в порядке, значит, так оно и есть, а мы двадцать пятого июня уже и в отпуск поедем. В Крым! Будем купаться, есть

⁴ «Комсомольская Правда» №138 (4924) от 14 июня 1941 г.

много фруктов и радоваться жизни. Абрикосы там, говорят, прямо на деревьях на улицах растут, и персики ещё, и сливы тоже! Можно идти, срывать и есть сразу, здорово же?

Каких-то десять дней осталось, неужто не выдюжу? Что-то мне не по себе в последнее время. То грустинка закатится, то вот такое состояние усталости, хотя не с чего, вроде... Наверное, права Зинаида Павловна: надо мне отдохнуть. Поплескаться в море, забыть обо всех заботах, представить, что мама рядом, просто отошла на минуточку... Вот оно — я о маме тоскую. Хотя, может быть, я тоскую сейчас, потому что мне плохо внутри, а не наоборот?

Автомобиль въезжает почти на поле, хорошо видны стоящие в капонирах самолёты, и останавливается, а я чувствую, что нет у меня сил покинуть машину. Хочется свернуться в клубочек и поплакать, как тогда, два года назад. Но папка меня действительно хорошо знает. Он выходит из машины, открывает мою дверь и улыбается очень понимающе.

— Ну чего ты, Валюша? — с теми же интонациями, что и Зинаида Павловна, произносит папа. — Твой самолёт ждёт, пойдём, ему в небо хочется.

И будто тёплой волной оmyвает меня — в небо! Я выскакиваю из автомобиля, устремляясь к самолёту, уже подготовленному улыбчивым механиком. Все они тут меня знают... Вот странно, в этой части папа тоже два года всего, а всех знает, и его тоже, а меня вообще как облупленную. А вот в школе почему-то так у меня не вышло. Надо будет папу спросить, отчего так случилось, но потом, потому что сейчас меня ждёт небо.

Влезая в парашют и подгоняя лямки, я уже улыбаюсь, потому что меня зовёт эта бесконечная синь. Погода прекрасная, небо нависает, тщаь обнять, прижать к себе, будто я его облачко, и все грустинки кажутся глупыми. Вот миг, и я в знакомой кабине, готовая уже приступить к запуску двигателя. Со мной сегодня летит один из штурманов эскадрильи, он будет мне всё в воздухе рассказывать, потому что так сказал мой папа.

Рычаг газа чуть трогаю, совсем немного, до положения «малый газ». За ним наступает пора рычага управления зажиганием, его нужно в крайне левое положение, затем шалтер, так заслонка воздушная зовётся... Руки летают, перещёлкивая, а на лице моём улыбка. Все предстартовые процедуры я знаю очень хорошо и совсем даже не задумываюсь.

— От винта! — кричит механик и резко прокручивает винт.

Я перевожу рычаг газа вперёд и слышу, как, чихнув пару раз, заводится мотор моего «утёнка». Регулирую заслонку и слушаю, потому что по инструкции, да и по наставлению положено. Давление масла в норме, двигатель отлично работает, а сигнальщик флажками показывает «на взлёт». И я сама внутри стремлюсь в небо вместе с моим самолётом.

И вот прогрев закончен, моя машина начинает сначала медленно, затем быстрее скользить в сторону взлётно-посадочной полосы, хоть и может взлететь прямо с места. Но не положено взлетать с места, не тайга тут какая-нибудь, а приличный авиационный полк. Я застываю на мгновение, поглядывая за сигналами, а затем уже сдвигаю рукоятку газа, отчего мой «У-2» начинает разбег. Он торопится, хочет поскорее стать крестиком в небе, а я сама стремлюсь туда, в бесконечную синь, вместе с ним. Мы наконец отрываемся от земли, а я чувствую счастье. Просто бесконечное необъяснимое счастье.

Небо! Я лечу к тебе, небо!

Я летаю, много летаю в эти дни, а на земле мне ещё рассказывают, как именно можно понять, где самолёт находится. О тумане рассказывают, об ориентирах, и я всё запомнить пытаюсь, потому что истребителю это очень нужно. А уж слушать о разных случаях и того интереснее. Папа, оказывается, встречался с самой Фальковой! Она Герой Советского Союза! Самая известная женщина во всей стране, штурман. Вот о ней куча историй есть, которые я впитываю буквально как губка.

Каждый мой день проходит более-менее одинаково, я уже и втягиваюсь постепенно, но вот в среду... Я привычно уже занимаюсь в классе, где меня учат азбуке Морзе. Тяжело я её запоминаю, но что-то уже на приёме разобрать могу. Зачем мне морзянка, я не спрашиваю, раз сказали «надо», значит, так положено. Постепенно она сдаётся мне, особенно когда лётчики начинают подсказывать мелодии. Если пропевать, то тире и точки никуда не деваются, а запомнить проще.

Вот и сейчас я в столовой ложкой отбиваю своё имя морзянкой, вызывая улыбку поварихи. Отчего она улыбается, я знаю — не я первая. И вот тут в небольшое помещение, уставленное столами, за которыми военлёты обедают, сильно озадаченный папка входит. Я вижу его хмурое выражение лица, что значит — новости не самые хорошие ожидаются. Понимаю, что нужно подготовиться. А папка тем временем берёт и себе обед, усаживаясь рядом. Стучать ложкой я перестаю, стараясь поесть быстрее.

Пока он не поест, о чём-то спрашивать бессмысленно, поэтому я и молчу. Чувствую я, какие-то изменения грядут в нашей жизни, но хорошие или плохие — вот в чём вопрос. Судя по папиному выражению лица, нарушились какие-то планы, чего он очень не любит. Да никто такого не любит! Но это не неприятности, а что-то другое. Сегодня у нас среда, восемнадцатое июня. Я пытаюсь размышлять на тему того, что могло случиться, но кроме отмены отпуска ничего в голову не приходит.

— Меня вызывают в Москву на двадцать третье, — сообщает мне папа. — Формально для совещания по формированию, но Степан говорит — может статься, что и надолго. Ты как?

— Я с тобой, — улыбаюсь я, понимая, что отпуска не будет, но зато я к маме даже раньше попаду. На кладбище зайти смогу, а не туда, где она сейчас. — Я всегда с тобой, ты же знаешь. А там как будет?

— Я сейчас позвоню Олегу Яковлевичу, помнишь его? — спрашивает меня папа. — Там и узнаем, где ты поживёшь, пока не утрётся.

Товарища Васильева я хорошо знаю, особенно его жену — тётю Зину. Она мне очень помогла тем летом, да и относилась всегда по-людски, как близкий человек, отчего я считаю, что меня примут. А предложение папкино имеет смысл: если его переводят, то пока он не обживётся на новом месте, я скорее мешать буду. Это если перевод, а если нет, тем более. Поэтому надо мне на всякий случай открепиться в комсомоле, ну и из школы документы забрать.

— Как ты думаешь, папа, — мне очень важно его мнение, — есть смысл документы забирать?

— Смотри, — вместо ответа он выкладывает передо мной лист радиограммы, записанной связистом: «Тов. Синичкину приказом номер... от 17.06.1941 г. предписывается прибыть в распоряжение Главного управления ВВС РККА не позднее 23 июня 1941 г.»

В распоряжение главного управления — это что угодно значить может. От вызова на разнос до назначения, но совершенно точно не совещание какое-нибудь. Шанс на то, что я неправа, есть, но, зная папу, маленький, потому что он сказал о дяде Степане из того самого главного управления.

— Тогда мне в школу нужно, — сообщаю я кивнувшему папе. — Мы когда едем?

— Послезавтра в ночь, — коротко отвечает он мне.

На поезде до Москвы тут часа четыре, если «в ночь», значит, мы в столице или ночью будем или очень ранним утром, когда все спят. Но у меня будет вся суббота и воскресенье ещё, чтобы... Варьке надо написать! Надеюсь, она в Москве и никуда на юга ещё не уехала. Точно надо!

— Доела? — интересуется папа, наблюдая за тем, как я смакую компот. — Тогда сейчас Степаныч отвезёт тебя в город... Или завтра с утра займёшься?

— Лучше завтра с утра, конечно, — вздыхаю я, принимая неизбежное: не летать мне сегодня птицей в небе. — Но ты всегда учил не откладывать напоследок.

— Умница, дочка, — хвалит он меня. — Тогда пошли.

Выглядающий пожилым водитель командира части. У него никого нет, только авиация, где служил его сын. Хотя бы так он хочет быть поближе, ведь иначе и жизнь для него смысла не имеет. Я его очень хорошо понимаю, ведь и сама такая, хотя в годах между нами пропасть целая. И вот он меня сейчас отвезёт в город...

— Тебя к школе? — интересуется Степаныч, когда мы отъезжаем.

— Спасибо, — киваю я, погрузившись в мысли.

— В Москве-то тебе лучше будет, — вдруг говорит он. — Не приняла ты Волгу сердцем, рядом с матерью его оставив. Небось, и с подругами не всё просто?

— Непросто, — вздыхаю я, вспоминая Варю. — Очень непросто, так что не отъезд меня тревожит.

Он молчит, конечно, потому что всё понимает, а автомобиль в это время, слегка подпрыгнув на рессорах, пересекает трамвайный путь. Я смотрю на приземистые дома, подводы и маленькие, будто игрушечные, трамвайные вагончики, ничуть не жалея о том, что скоро уеду отсюда. Вещей у меня немного, в чемодан поместится всё или почти всё, да и не любительница я нарядов. Когда мама жива была, любила принарядиться, а потом незачем стало — для папы я любая хороша, папа же.

Вот и школа наша — двухэтажное здание, кажущееся сейчас вымершим. Два года я училась здесь, а нет у меня ощущения чего-то родного, как в Москве было. Не приняла я её, и она меня тоже, хоть обе мы не слишком и старались. Папа прав, так бывает. Поэтому, наверное, хорошо, что уедем. Вот отпуска жалко почти до слёз, но, наверное, просто, как дядя Стёпа говорит — не судьба. Ничего, не последний отпуск.

— Приехали, — сообщает мне Степаныч. — Давай, в добрый путь!

— Спасибо, — киваю я и, старательно натянув на лицо улыбку, вылетаю из «эмки».

Сначала надо к директору, затем только в комитет комсомола. Папина радиограмма у меня с собой, так что это не просто моё желание, а факт. Я несовершеннолетняя и отдельно от папы не встречаюсь, так что Клавдия Михайловна, заместитель директора, ничего сказать не сможет. Ей-то, может, и не понравится, но связываться с военными она не будет. Подлой она мне кажется, подлой и трусливой. Нет у меня доказательств, только ощущения, но...

Москва

«Мы чувствуем себя готовыми исполнить свой священный долг перед родиной. Вчерашние школьники, мы завтра станем бойцами. Тут и гордость, и радость, и ответственность, и захватывающий интерес, и мечты... Мы сразу почувствовали себя как-то взрослее. С благодарностью и нежностью вспоминаем юность и всё, что с ней связано, и без страха идём вперёд, к другой поре жизни, к зрелости. Сделать жизнь содержательной, нужной советскому народу и любимой родине зависит прежде всего от нас самих»⁵.

По-моему, от меня были рады избавиться.

Поезд у нас в двадцать сорок, пассажирский номер сто один. Мы с папой уже на вокзале, и вся его эскадрилья здесь. Вчера нас провожали в его части, и столько было тёплых слов, а меня... В школе меня встретили холодно, в комитете комсомола равнодушно, но я не обиделась. А в папиной части — совсем иначе. Меня обнимали, форму подарили, и шлемофон ещё! И очень тепло прощались, как будто я действительно им близкая. И вот от этого контраста я и расплакалась.

— Может, ты и прав, — вздыхаю, глядя вдаль. — Закончу в Москве, если...

— Зина тебя, как дочь, любит, — всё отлично понимает папа, все мои недоговорённости. — И школа твоя там поблизости...

— И школа моя там поблизости, — киваю я, припоминая, где живут Васильевы. — Раз уж мне так сложно оказалось.

— Лётную книжку не забыла? — спрашивает папа и улыбается затем. Да, я бельё забыть могу, а её никогда!

С лётной книжкой тоже подарок получился — по-моему, даже самый большой мой подарок. Мне проставили полное окончание курса с разрешением самостоятельного пилотирования. А ещё вписали и технические, и штурманские, поэтому меня в любой аэроклуб примут, не глядя даже на возраст. Обычно так не делается, но у лётчиков свои правила.

В Москву я озорства ради в форме еду — в штанах, гимнастёрке и пилотке моей. И документ есть о праве ношения формы, командиром части подписанный. Обычно-то нельзя, конечно, но мне, получается, можно. Не так это комфортно в поезде, как в платье, но зато красиво, по-моему. Зинаида Павловна иначе считает, но мне так хочется.

Я не глупая девчонка и понимаю, что до лётчика мне ещё очень далеко, но, во-первых, в училище научат, а, во-вторых, в аэроклубе с такими допусками у меня будет больше практики. В Москве просто здоровский аэроклуб есть, а если и не возьмут, то всегда можно к дяде Стёпе напроситься. То есть варианты есть. Да, я вся стремлюсь в небо, всё во мне стремится туда, потому что мечтания у меня такие, но папа говорит, что это не плохо, а просто есть.

Громко лязгнув сцепками и противно заскрипев тормозами, поезд останавливается. У нас полчаса, чтобы забраться внутрь. И билеты, и плацкарта купейная у папы, конечно. Ему, как командиру, положено с комфортом ездить, ну и я с ним, как же иначе?

— Ну, пора, — вздыхает папа, а лётчики принимают меня обнимать.

— Держись, Валя! Вспоминай нас! — говорят они на прощание, а я чувствую подступающие слёзы.

— Я вас никогда не забуду! — обещаю я им. — Мы обязательно встретимся!

— Встретимся! — слышу я в ответ и, успев только взвизгнуть от неожиданности, вдруг оказываюсь в тамбуре вагона.

⁵ «Комсомольская Правда» №143 (4929) от 20 июня 1941 г.

Спустя мгновение тут же обнаруживаются наши с папкой чемоданы, а затем, наобнимавшись, заскакивает и он. Купе у нас третье, а вагон жёсткий. Вот зачем ради четырёх часов пути... Впрочем, мне действительно так комфортнее — просто смотреть в окно на ночь. А ведь и ночью, бывает, летают. Интересно, как это? Надо будет уговорить кого-нибудь показать, как оно бывает ночью.

Вагон полнится весёлыми голосами, за окном своего командира провожают те, к кому я привыкла два года. Мгновенно приняли они тогда меня, старались показать свою поддержку, приобнять, но не грубо, а как дочь. Наверное, поэтому мне было не так больно тогда и очень хочется плакать сейчас. Я откуда-то знаю — в Калинин мы не вернёмся. Он станет такой же строчкой в моей биографии, как и многие другие города, ведь я дочь командира, а они на одном месте не сидят.

— Садись, Валя, — предлагает мне папа. Он тоже грустит от расставания, но ничего не поделаешь — приказ.

— Да, я сейчас, — киваю я, глядя в знакомые лица лётчиков. У многих есть свои жёны, дети, но они пришли сюда, чтобы попрощаться с командиром и сказать пару тёплых слов мне.

Длинный гудок заставляет меня вцепиться в коридорный поручень. Поезд медленно трогается, а я срываю пилотку с головы и машу ею, я машу остающимся здесь надеждой на то, что в будущем мне будут встречаться только такие люди — понимающие, честные, настоящие. Советские люди. Я очень надеюсь на это, потому что страшно немного от неизвестности. Ладно, Москва, а потом?

— Поспишь, может? — негромко спрашивает он, а я качаю головой.

— Нет, посижу пока... — я достаю книжку, подаренную мне штурманом полка. — Почитаю.

Если освою книгу, тогда смогу лучше ориентироваться в полёте. Ну и кое-каким хитростям ещё научили, конечно. Вот поэтому я сейчас читаю, разбирая случаи, и чувствую себя при этом в небе. Как будто в полёте нахожусь, отчего не думается вообще ни о чём.

— Ну а я подремлю, — решает папа, укладываясь поудобнее.

Он говорит, что именно так кадрового можно определить — каждая свободная минута на сон. Я, как он, пока не умею, но, будет нужно если, обязательно научусь. Сегодня у нас заканчивается двадцатое июня, поезд идёт не слишком быстро, останавливаясь на каждой станции. Уже была Куприяновка, а теперь за окном едва освещённая табличка «Кузьминка». Поезд останавливается, беря в общие — без плацкарты — вагоны людей. Те, кто с плацкартой, так близко не ездят, нет в этом смысла.

В нашем купе нет никого, кроме нас, хотя ещё два места пустуют. Но оно забронировано для военных, так что вряд ли кто появится. Папа может поспать, я почитать, представляя себя в полном тумана небе. Туман — самый страшный враг лётчика, оттого и важно понимать, как самолёт водить в таких условиях. Ну, по-моему.

Я читаю, читаю, сама не понимая даже, что погружаюсь в дрему. Слышится мне мерный рокот двигателя «утёнка», а под крылом плывут клочья облаков. В задней кабине никого нет, я совершенно одна. Мне нужно найти аэродром, но не видно просто ничего, потому что облачность низкая. Снижаться слишком сильно нельзя — можно в опору какую влететь или горку задеть, вот и вспоминаются наставления из книги.

Примерно представляя, где нахожусь, снижаюсь до двух сотен метров, где облака вроде бы пореже уже, высматривая хоть какой-то ориентир. Почему-то внизу глубокая ночь, только огонёк какой-то бежит. Интересно, что это? И я снижаюсь, переходя на бреющий почти, пока по запаху не понимаю — это же поезд! Недлинный поезд спешит вперёд, а я отворачиваю в сторону, уже заметив посадочный прожектор.

— Валя, просыпайся, — будит меня папа. — Прибываем.

Я распахиваю глаза, не понимая ещё со сна, где нахожусь, а за окном уже наплывает очень знакомая мне громада Ленинградского вокзала. Яркие огоньки, почти полное отсутствие людей, и только в отдалении кажется мне, что вижу я знакомые лица. Не могу же я их видеть? Но всё равно, я чувствую — нас там ждут.

Хорошо, когда ждут.

Зинаида Петровна, статная суровая женщина с короткой стрижкой и пронизывающим взглядом серых глаз, совершенно меняется, когда меня обнимает, становясь доброй тётей Зиной. Её старший сын сейчас заканчивает артиллерийское училище, а младший в морях плавает. Она всегда хотела девочку, но получилось два сына. Вот поэтому она, привычная к строгости, сейчас обнимает полусонную меня, пока мы домой едем на их «ЗИСе».

— Не отогрели Валю, — замечает тётя Зина. — Будто застывшая она у тебя.

— Только в небе оживает, — вздыхает папа, о чём-то негромко беседуя с дядей Олегом.

— Ни подруг, ни друзей, со всеми ровно, только у меня в части...

— Оно и понятно, — кивает она, поглаживая меня по голове, как маленькую.

А мне не хочется отталкивать её руку, ведь очень ласково у неё получается, а я... Я устала от Калинина и сейчас вернулась домой. Утром обязательно поеду к маме, а потом надо будет Варе позвонить. И с аэроклубом...

— С аэроклубом уже решили, знаменитость ты наша, — улыбается мне тётя Зина, а я не понимаю её. — Заметка была о том, как школьница решает задачи по пилотированию, так что тебя с радостью «Испытательный» примет.

— Ой... — тихо реагирую я.

Это что-то из разряда сказок, потому что «Испытательный» — не аэроклуб. И выходят у меня сказки какие-то необычные, как будто и не проснулась ещё. Но тут может быть связь и с папиным вызовом, или же его вызов со мной связан как-то. Для Красной Армии невыполнимых задач не бывает, и логика, случается, что непонятна. Но пугаться мне лень, потому что ничего плохого не происходит.

Автомобиль останавливается у знакомого дома, пора вылезать. На дворе два часа ночи, луна светит с неба, а у меня ощущение внутреннего счастья: я домой вернулась. Меня не торопят, тётя Зина очень хорошо меня понимает. Затем, я, конечно, захожу в дом. Приветливо кивает никогда, кажется, не спящий дед за небольшой конторкой прямо у входа, и мы идём к лестнице. Лифт тут тоже есть, но ради пары этажей...

Квартира у Васильевых пятикомнатная, большая, поэтому мне место найдётся. Их сыновья, кстати, меня сестрёнкой принимают, отчего мне на душе тепло бывает. Но сейчас мне сонно, даже слишком, поэтому я не очень хорошо соображаю, а только падаю, куда показали, моментально уснув. И снится мне сегодня мама. Так давно она не снилась мне, и вот теперь я вижу её. Мы разговариваем, гуляя в Сокольниках, где ей так нравилось. Кажется, я в форме своей, только немного отличной — юбка имеется. Ну это понятно, мама не любила штаны на девушке.

А вот о чём мы говорили во сне, я, проснувшись, и не помню. Я просыпаюсь в руках тёти Зиной, обнимающей меня. Почему она так, я сразу понимаю — плакала во сне, наверное. Но вот что меня беспокоит — мы о чём-то очень важном говорили с мамой там, во сне, а я не помню, о чём, совсем не помню, отчего плачется мне только горше.

— Держала, видимо, себя в руках, — гладит меня тётя Зина. — Ты поплачь, поплачь, я никому не скажу.

— Спасибо, — шёпотом отвечаю я ей.

Очень она меня хорошо понимает, как мама... Меня так только мама понимала, и вот теперь тётя Зина. Но пора успокаиваться, ведь день за окном давно. Надо вставать — зарядка,

завтрак, и задачи на сегодня. Ну это папины термины, расписание военное такое. Мне же нужно вытереть слёзы, и... Тут тётя Зина сразу же снова чувствует меня и помогает усесться.

— Десятый час, — отвечает она на незаданный вопрос. — Мужчины вернутся через час, и тогда поедем.

— Спасибо... — сквозь не отошедшие ещё слёзы улыбаюсь я ей. — Ты такая... понимающая.

— Не думай об этом, Валюша, — гладит она меня ласковой своей рукой. — Лучше занимайся гимнастикой пока, а я чай согрею.

Я киваю, поднимаясь из постели. Судя по аккуратно сложенной на стуле форме, раздеваться я забыла, так что меня тётя Зина раздевала. Ой, стыдобища какая! Взрослая же уже, а раздевали меня, как маленькую! Но долго себя упрекать я не хочу, занимаясь утренним комплексом упражнений. Сегодня мы к маме поедем, а завтра, наверное, в Сокольники... Или в аэроклуб? Вдруг разрешат мне завтра полетать? Или, может быть, даже сегодня? Надежда заставляет сердце сжиматься, и я более энергично выполняю упражнения.

Ну а после душа отправляюсь завтракать. Пара бутербродов, гречневая каша с маслом и исходящий паром чай в большой кружке. Настоящий чёрный чай, душистый, отдающий полевыми травами, что выдаёт добавки. Это тётя Зина любит — зверобой положить, боярышник, и не просто так, а чтобы мне легче было. Она понимает, что сегодня будет много слёз, потому что я еду к маме.

— А папа по делам? — интересуюсь, как могу, нейтрально.

— Формируется полк на новых самолётах, — объясняет тётя Зина. — куда его направят, пока неясно, зато известно, кого на командира.

— Так я и думала, что в Калинин больше не вернусь, — киваю в ответ. — Вот и хорошо. Значит, полгода где-то я с тобой, а то и дольше, если не надоем.

— Ты мне как дочь, — она понимает, что я шучу, но поддержать шутку не хочет, а я не желаю ранить её, поэтому с удовольствием глажусь. То есть она меня гладит, а я её не отталкиваю, потому что это приятно.

Сегодня у нас двадцать первое число, суббота. Надо связаться с Варей, например, по телефону, номер я не забыла ещё, и договориться встретиться, скажем, завтра. Сегодня я буду ужасной плаксой, а вот завтра уже и погуляем, и посидим в парке... Ой, к маме нужно платье надеть! А они все в чемодане наверняка измялись! Я быстро заканчиваю с завтраком, благодарю и спешу к чемодану, но он пуст.

— В шкафу всё лежит, а платье я погладила, — сообщает мне тётя Зина, даже не встав из-за стола.

Я возвращаюсь, чтобы заобнимать чудесную женщину. Она действительно очень хорошая, ведь позаботилась обо мне, вещи разложила, погладила даже. Я не ребёнок, чтобы видеть в этом покушение на свою самостоятельность, совсем нет. Я вижу в её действиях заботу и, хотя не люблю, когда трогают мои вещи, не могу сердиться сейчас. Тётя Зина действительно как мама.

— Спасибо, — шепчу ей в процессе обнимания.

— Всё ладно будет, Синичка, вот увидишь, — в её устах моё школьное прозвище словно звание звучит. Вот как она так умеет?

Ничего, это просто грусть на меня напала. Она точно пройдёт, и буду я снова улыбаться и веселиться. Жалко, что папу, возможно, далеко переведут, но тут уже ничего не поделаешь — у него такая работа. А вот смогу ли я год без него? Если разрешат летать, наверное, смогу. Хочется, конечно, чтобы случилось чудо и его в Москве оставили, очень хочется, но...

На пороге испытаний

«Партия Ленина-Сталина предоставила в распоряжение трудящихся поистине богатейшие возможности для отдыха. К сожалению, мы не всегда их полностью используем. Очевидно, здесь немалая доля вины падает и на комсомольских активистов. Не всегда они энергичны и инициативны, не всегда понимают простую истину, что отдых работнику необходим, как привал бойцу в походе. Встречаются и такие, которые считают, что организация отдыха в выходной день должна быть строго регламентирована скучнейшими мероприятиями»⁶.

Не знаю, откуда Варя узнала, почувствовала, что ли?

Мы идём по дорожке старого кладбища. В папиных руках букет цветов, а в глазах его такая боль, такая тоска, что и сказать-то нечего. Третий ряд, четвертый, пятый, направо теперь... Я всё борюсь с собой, чтобы не замедлить шаг, ведь кажется мне, что снова тот день приходит — гроб, много людей вокруг и тётя Зина, отрывающая ревушую меня от маминого гроба. Два года прошло, два...

Всё ближе то самое место, всё тяжелее мне идти, но тут вдруг — объятия. Кто-то, враз не узнанный, обнимает меня, прижав к себе, не давая остановиться, идёт вместе со мной.

— Ты справишься, ты сильная, — Варин знакомый голос как гром среди ясного неба. — Я рядом.

— Варя! — взвизгиваю я, обнимая её так, будто мы вечность не виделись. — Ты как здесь?

— Не оставляю же я тебя одну, — знакомо улыбается она. — Пойдём, твоя мама ждёт.

— Пойдём, — согласно киваю я.

И будто нет больше никого, а только моя самая верная и лучшая подруга ведёт меня к маме, как когда-то очень давно. В первом классе? В пятом? Так же она вела меня за собой, защищая и поддерживая. Так же и я её успокаивала в другие разы. Это наша дружба, сложившаяся навеки. Валя и Варя — неразлучные подруги. Так всегда было, и только эти два года, дававшиеся мне ужасно тяжело, лишь они чуть меня не уничтожили. Я хорошо понимаю это сейчас. Если бы не небо...

Вот она. Каменная плита, мамина фотография, где она с доброй, ласковой улыбкой, и годы жизни. Моментально размывшееся изображение, затем толчком приблизившееся, и, кажется, весь мир вздрагивает. Замирает на мгновение и сотрясается в ответ на моё отчаянное:

— Ма-а-ама! Мамочка! — я не могу сдержаться, сейчас будто вернувшись в тот самый день.

Я цепляюсь за холодный гранит, и, наверное, нет такой силы, что может оторвать меня от него. Я зову её, отчаянно зову, ведь ничего не заживило прошедшее время. И слёзы, они льются из глаз, а мне больно, очень больно где-то в груди, потому что здесь моя мама лежит, мамочка. Как жить без её рук? Как без улыбки встречать день? Как идти дальше?

— Синичка, Синичка, не реви, не надо, — уговаривает меня Варя, а папа просто стоит, будто застыл от моего крика.

Нет ничьей вины в маминой болезни. Судьба, злой рок не дал ей выздороветь. Нет его вины, но сейчас папа видит, что пережить мамину смерть я всё равно не смогла. И улетаю в небо, я не хочу возвращаться на землю, ведь на ней нет мамы. Но когда кажется, мир гаснет, меня обнимают руки тёти Зины.

⁶ «Комсомольская Правда» №145 (4931) от 22 июня 1941 г.

— Ты зачем маму расстраиваешь? — звучит её полный строгости голос. — Она на тебя смотрит. Как ты думаешь, нравится ей, что ты делаешь?

От этих вопросов я даже плакать забываю. Мама смотрит? Я заглядываю в глаза тёти Зины, а в них уверенность. И хотя в речи её поповщина сплошная, не может же она меня обманывать? Значит, мама смотрит на то, как я рву себе сердце, вместо того чтобы... И хотя где-то внутри я понимаю, что сказала это тётя Зина для успокоения моего, становится как-то вмиг легче.

— Ты как хочешь, а Валя останется в Москве, — строго говорит она папе.

И он соглашается, опуская на плитку цветы. Очень бережно он укладывает их, а потом берёт меня на руки, унося от мамы. Он идёт, а по щекам его бегут слёзы. Папе тоже плохо, очень плохо без мамы. Зачем, за что она умерла? Почему она? Почему не я?

Не поняв ещё как, я оказываюсь в машине, и Варя рядом со мной. А мы куда-то едем, и не знаю куда, потому что не могу успокоиться. Мне кажется, боль, что поселилась во мне, хочет закружить и увести туда, где нет ничего. Туда, где есть только мама. А вдруг действительно? Что мне скажет мама, узнав, что я папку одного оставила?

— Ты уверен? — строго спрашивает папу дядя Олег.

— Её утешит только небо, — грустно отвечает хорошо знающий меня папка. — Так что...

И я успокаиваюсь, потому что небо. Я понимаю, куда меня везут, и успокаиваюсь, ведь скоро я смогу... Ну, если разрешат, конечно, я же не маленький ребёнок, всё понимаю. Автомобиль, сыто рыча двигателем, едет куда-то прочь, а я вспоминаю маму. Варя держит меня как куклу, не давая вновь разрыдаться. Что со мной? Ведь два года прошло? Почему я опять реву, как в первый день?

— Не дали девочке проплакаться, — кажется, я задаю этот вопрос вслух, потому что мне тётя Зина отвечает. — Затаилась боль у неё внутри, и все подумали, что прошло. А такую боль вырветь надо...

— Это потому что они быстро уехали, — кивает ей Варя, сильнее меня к себе притиснув. — А при чужих Синичка не будет. Она не любит чужим себя показывать.

— Сильная девочка, — кивает ей тётя Зина. — Вот и аэродром. Сейчас наши мужчины надавят авторитетом на кого нужно, и порскнет Синичка в небо ласточкой.

Я надеялась, конечно, но в этот миг у меня слёзы исчезают. Будто кран перекрывают, и плач останавливается. Я поднимаю голову, вглядываясь в окно, а там — поле с самолётами. Самые разные самолёты там стоят, и «У-2», конечно, тоже. Будто что-то рвётся из меня навстречу знакомым очертаниям машины. Ой, а как же, я же в платье? Или...

Папа протягивает мне свёрток перед тем, как выйти из автомобиля. Я разворачиваю его и вижу — форма моя! Водитель тоже выходит, а я начинаю лихорадочно переодеваться, как будто от этого моя жизнь зависит. В не таком уж и большом салоне «ЗИСа» я как-то моментально оказываюсь в штанах и гимнастёрке, пока папа с дядей Олегом объясняют кому-то необходимость выпустить в небо никому неизвестную девицу, то есть меня. Не самая обычная ситуация, насколько я знаю, но моё дело одеться, а их — добиться, они же командиры!

— Валя, смотри, — Варя показывает мне что-то, а я приглядываюсь и вижу папин жест.

Выскакиваю из машины, очень быстро подтягиваю ремень, надеваю пилотку и бегу к папе со всех ног. Я в туфельках, не в сапогах, но кому какое дело сейчас? Высокий улыбчивый дядька со шпалами в петлицах с улыбкой смотрит на то, как я подбегаю, как перехожу на строевой шаг, а вот потом, во время доклада, лицо его становится ошарашенным. Такого он точно не ожидал.

— Товарищ капитан, — начинаю я, потому что представиться нужно. Мой голос разносится по всему полю, и я вижу — люди работу приостанавливают, чтобы посмотреть, кто это там такой голосистый.

— Убедили, — только и может сказать этот начальник. — Берите тройку.

«Утёнок» номер три и мне уже приглянулся, ведь он такой красивый! Я буквально чувствую, как он тянется ко мне, а значит, скоро мы станем единым целым, отправившись в небо. И все слёзы, печали, вся грусть моментально покидают меня, ведь небо ждёт!

Просыпаюсь я радостная. Всю ночь мне снилось, как я летаю, и вчера я была счастлива. Прав папа: небо меня лечит, когда я летаю, то все горести исчезают. К тому же я верю теперь, что мама смотрит на меня, а потому нельзя плакать, надо показать ей, что мною можно гордиться. И я докажу это! Сегодня меня тоже ждут на аэродроме, чтобы продемонстрировать другим, как умеет совсем юная девчонка, хотя по мне и не скажешь, что мне ещё шестнадцати нет.

— А что тут за лежебока?! — на меня откуда-то падает Варя.

— Ты как тут? — не понимаю я, притом часов не вижу совсем.

— Пришла, а ты спишь! — хихикает она. — Ты только посмотри, какой день прекрасный! Разве ж пристало тебе, как настоящей комсомолке, и вдруг спать?

— Ой, — сообщаю я ей, силясь подняться. — А час который?

— Девятый! — страшным шёпотом сообщает мне подруга, что как сестра. — А ну, вставай!

Да, она права, надо вставать. Гимнастику никто не отменял, и душ тоже. Я выпрыгиваю, сразу принимаясь за упражнения, а Варька комментирует, да так забавно, что я чуть не падаю пару раз просто от смеха. Не пустить её тётя Зина могла, но не стала, видела же вчера, как мы друг к другу, вот и не стала, а Варя мне действительно как сестра.

Она права, надо собираться, ведь меня к десяти на аэродроме ждут. Сегодня мы поедем опять все вместе. До полудня я полетаю, а потом в парк отправимся — гулять и делиться планами. На следующей неделе отнесу, наверное, документы в школу свою, десятый класс заканчивать. Раз тётя Зина говорит, что мне лучше остаться в Москве, значит, так оно и есть — она мудрая, и опыт у неё большой. Папа написал уже бумагу, что он доверяет меня ей, так что проблемы не будет.

Мне не хочется с ним расставаться, но тётя Зина вчера вечером после всего меня убедила. Первые полгода на новом месте мне опять привыкать, а Варя же, и школа, и кто знает... Поэтому действительно следует сделать так, чтобы папа за меня не беспокоился. Правильно будет так, а раз правильно, то нечего сопротивляться и усложнять жизнь. Я же взрослая девушка, а не маленький ребёнок со своим вечным «хочу».

— Готова уже? — улыбается тётя Зина. — Ну-ка, давайте завтракать!

— А давайте! — улыбается Варя, усаживаясь вместе со мной за стол.

Так же, как у меня небо, у неё страсть — возиться с техникой. Очень она любит в моторах ковыряться, с техникой разбираться. Может, именно из-за меня, ведь летать Варвара моя не любит. А вот масло в моторе сменить или свечи проверить — это не оторвёшь. Она даже иногда шутит, что я буду летать, а она на земле ждать станет. В ФЗО она не пошла, зато ученицей на заводе эти два года провела. А как сейчас будет, неизвестно, потому что я вернулась. Наверное, тоже в десятый пойдёт, а там и на завод после школы.

Но это всё мечты, ведь нам надо сначала школу закончить, а потом придумать, куда поступить, чтобы недалеко друг от друга быть. Не хочется мне от неё вдали опять оказаться, да и ей не сильно желается того же, я ведь вижу. Но сейчас у нас плотный завтрак, и в машину бегом, чтобы нас не ждали «наши мужчины», как их называет тётя Зина. Поэтому завтрак я всасываю буквально, но Варька всё равно первее успевает, ну а потом мы скачем по ступенькам, перешучиваясь, пока не оказываемся рядом с машиной дяди Олега, у которого свой водитель есть, ведь он же батальонный комиссар. Причём где именно, знать не обязательно. Есть вопросы, ответы на которые не так нужны.

— Готовы уже? Вот молодцы! — улыбается папка, которого я сразу же обнимаю.

Судя по всему, они с дядей Олегом куда-то уже ездили, только нельзя спрашивать куда. Но машина запылена, значит — за город. Если за город, то, наверное, на испытательный полигон. А если туда, то у папки новые самолёты будут. Интересно, какие? Наверное, секретные какие-нибудь, или опытные, которые в частях потом обкатать надо будет.

— Ну что, молодёжь, садитесь, — приглашает нас дядя Олег, но сам смотрит туда, откуда мы пришли, тётю Зину ждёт.

А нам дважды повторять не нужно. Мы радостно усаживаемся на широкий задний диван. Хромированные части блестят, окно между водителем и салоном закрыто, а вся машина семиместная получается. Удобные кожаные диваны, на которых мы впятером и размещаемся. Вот тётя Зина рядом со мной усаживается, за ней папа с дядей Олегом и автомобиль трогается с места.

Я так хочу в небо, что мне трудно на месте усидеть, а Варя только посмеивается. Тем не менее, до аэродрома доезжаем очень быстро. Мне кажется, что просто мгновенно, несмотря на то, часовая стрелка на часах, вделанных в стенку автомобиля, сдвинулась на деление. Но вот и аэродром, на котором уже готовый «утёнок» стоит.

— Очень хорошо, — кивает мне старший по полётам, стоит мне только доложиться. — Инструктора вы вчера впечатлили, потому полетите в одиночестве. Не бойтесь?

— А можно мне тётю Зину с собой взять? — интересуюсь я, сразу же получая разрешение.

— Спасибо тебе, Валя, — произносит тётя Зина, пока мы идём к самолёту. — Очень мне хотелось узнать, какое оно, твоё небо.

— Я покажу! — радостно выкрикиваю я, но в кабину сразу не лезу.

Папа всегда говорит, что пилоты делятся на внимательных и мёртвых. Поэтому я выполняю все пункты инструкции, а вот стоящий рядом с машиной механик только улыбается и кивает на мои вопросы. Закончив, расспрашиваю о запасе топлива, понимая, что мне летать что-то около часа-полтора, ведь пока я гуляла вокруг, время прошло.

— Молодец, девчонка! — искренне говорит мне он, а я улыбаюсь — похвала мне всегда приятна.

И вот мы уже выруливаем, чтобы затем прыгнуть в небо. Оно ждёт меня, а я сегодня ещё и тётю Зину везу, чтобы показать ей небо. Мне ничуть не страшно одной лететь, но при этом я помню, что маневрировать надо осторожно, а не то ей станет плохо и придётся возвращаться. Вот я и лечу так, как будто у меня хрусталь во второй кабине. Тем не менее, удовольствие я получаю, проходя по круговому маршруту, который мне вчера показали.

Пролетая над аэродромом, удивляюсь — взлетает ракета, приказывая срочно на посадку. Что случилось? Я разворачиваю машину, заходя правильно на «Т», а затем, как могу, мягко касаюсь полосы, пробегаю по ней. Затем отключаю двигатель, но тишина не наступает — репродуктор что-то громко говорит. Я прислушиваюсь и сначала даже не понимаю, что слышу, но вот потом...

— ...Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом. Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, ещё теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина. Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.⁸⁷

⁸⁷ Выступление по радио Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Народного Комиссара Иностранных Дел и тов. В. М. Молотова 22 июня 1941 г.

Сёстры

«Это неслыханное нападение на нашу страну является беспрецедентным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено несмотря на то, что между СССР и Германией заключён договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено несмотря на то, что за всё время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойническое нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей»⁸.

Я сначала хотела куда-то бежать, что-то делать, но затем одумалась — фашисты совершенно точно долго не протянут. Правда, факт того, что они могли долететь аж до Минска и Киева, чтобы бомбить, меня смутил, но я промолчала. Так что каникулы никуда не делись, вот только папа сегодня уезжает, и дядя Олег тоже. Вот мы сидим вместе за столом — провожаем. На аэродроме-то провожать не придётся, нет на военный аэродром нам хода. И тут звонок в дверь.

— Ой... Ты как тут? — я смотрю большими глазами на Варю, что стоит с чемоданом в руке.

— Варенька, здравствуй, — слышу голос тёти Зины. — Что же ты встала, проходи.

И вот тут оказывается, что Варю она к себе взяла. И хотя говорит тётя Зина правильные слова, я понимаю: это из-за меня. Так просто она бы вряд ли решила, ведь Варя ей никто, даже родители незнакомы, а она взяла. Значит, точно из-за меня. Я чувствую огромную благодарность, заливающую меня волной, а потом веду подругу в комнату, чтобы она могла хотя бы оставить чемодан.

— Мама в Ленинград уехала, там санитарный поезд формируется, — объясняет мне Варя, оглядывая комнату. — А папа вчера улетел в Минск, потому что там что-то странное. Я думала, уже одна, но Зинаида Петровна...

— Теперь она и тебе тётя Зина, — улыбаюсь я и обнимаю её. — Так здорово, что мы вместе.

— Я думаю, именно для этого, — кивает Варя, прикрыв на мгновение глаза. — Иди...

— Ты мне как сестра, — я беру её за руку и веду за собой, как когда-то она вела меня.

Неуверенно себя чувствует Варя, хоть и убеждена в нашей очень скорой победе, как и я. Да и мне не по себе, ведь папа улетает, а куда — вообще неизвестно. Секретно, наверное, но он обещает писать! У нас есть ещё несколько минут, чтобы попрощаться. Машина уже у подъезда, а я смотрю на папу, запоминая его. Отчего-то кажется мне, что расстаемся мы надолго, хоть и не может такого быть.

— Валя, на аэродроме тебя ждут хоть каждый день, — говорит мне дядя Олег. — Варвару тоже ждут, но механики. Начнут учить обслуживанию самолёта, так и будете вместе.

— А не заругают, что девчонка летает? — осторожно спрашиваю я.

— Мы кое-что придумали, так что не заругают, — улыбается папа.

— Спасибо! — я радуюсь, ведь что может быть лучше неба?

Понимая, что «наши мужчины» придумали что-то особенное, расспрашивать не спешу. Сама увижу. Тётя Зина работает в госпитале, хотя, как выяснилось, летать умеет. Она в то воскресенье показала мне, что умеет мой «утёнок», отчего я до сих пор под впечатлением. Любо-

⁸ «Комсомольская Правда» №146 (4932) от 24 июня 1941 г.

пытно, конечно, почему она в госпитале, но расспрашивать не буду, ведь она политработник. Где сказали служить, там и служит, дисциплина — она такая.

— Ну, пора, — произносит папа, вставая, а какая-то сила просто бросает меня к нему.

Я цепляюсь за его форму, вмиг заплакав, ведь одно дело рассуждать о том, чтобы порознь быть, а другое — когда уже пора. И вот я плачу, а он гладит меня, и хотя я сама понимаю, что папка скоро вернется, но удержаться не могу. И тут на мои плечи ложатся руки тёти Зины. Она не отрывает меня от папы, но это её прикосновение позволяет мне прийти в себя. Она молчаливо поддерживает меня, и я... отпускаю папу.

Я смотрю, как он уходит, как затем идёт к машине. А вот потом автомобиль уезжает, и мы плачем уже вдвоём. Теперь можно, ведь не видит никто. Не очень долго, но можно, потому что папа и дядя Олег уехали, и что с ними будет, кто знает. У меня есть папина фотокарточка. И мамина, конечно, тоже. Теперь только фотокарточки до самого конца войны. Пусть она поскорее закончится...

— Поплакали? — интересуется тётя Зина. — Тогда умылись и вперёд на аэродром. Доберётесь?

— Доберёмся, — уверенно отвечаю я. — А...

— А мне в госпиталь надо, — она будто чувствует, что я сказать хочу. — Встречаемся вечером, ключ не забудь. Хотя нет, сначала пойдёмте-ка со мной.

И она ведёт нас прочь из квартиры. Я не сразу понимаю, куда именно, но потом до меня доходит: домоуправление! Нужно ведь официально зарегистрировать наше место проживания, чтобы не было вопросов у милиции. Ну и школа же будет ещё, да и вообще, порядок должен быть во всём. Так папа говорит.

Я оказываюсь права. Тётя Зина быстро регистрирует и меня, и молчаливую Варю, получает бумагу об этом, и потом уже ведёт нас обратно. Во время всей процедуры я молчу. Впервые, тётя Зина лучше знает, как правильно, а во-вторых, меня ни о чём не спрашивают. Вот так же, хвостиком следуя за ней, мы возвращаемся обратно.

— Теперь вас тут знают, — объясняет тётя Зина. — Валя не забывает свои документы, Варя берёт комсомольский билет, раз паспортов у вас пока нет. Если что — милиции называть меня. Всё ясно?

— Ясно, — киваю я, отправившись переодеваться.

Может, и неправильно сейчас в форме щеголять, но у меня есть на неё право. С другой стороны, как положено приветствовать надо... Сейчас-то военных в Москве много. Подумав, сворачиваю форму, чтобы взять с собой. Где переодеться на аэродроме, думаю, найду. Варя кивает, занимаясь тем же самым — у неё документов на ношение нет, но нам обеим в штанах проще будет.

— Собрались уже? Молодцы! — хвалит нас тётя Зина. — Топайте в метро.

Добраться до аэродрома можно довольно просто — или электричкой с Ленинградского вокзала, или до станции «Сокол» на метро, а оттуда уже трамвай. Мы с Варей хорошо знаем родной город, ведь обе здесь родились, и хотя помотались с родителями по гарнизонам, но не заблудимся. Именно поэтому проблем и не возникает.

Город живёт мирной жизнью, только военных на улицах больше, но все уверены: войне скоро конец. Мы тоже в этом абсолютно уверены, несмотря на то, что сводка какая-то расплывчатая. И почему-то речь в ней о недопущении перехода государственной границы, а вовсе не о могучем ударе по чужой территории. Папа всегда меня учил думать, именно это заставляет меня сейчас тревожиться. Но сегодня всего-то второй день войны, наверное, это нормально — сначала надо остановить, а потом уже и на чужой территории. Правильно же?

Такое ощущение, что ничего и не случилось. Метро работает, как обычно, трамваи бегают, по улицам спокойно ходят патрули. Так что, наверное, зря я тревожусь, если бы что-то нехорошее было, вряд ли все казались бы такими спокойными. Надо недельку-две подождать, а

там и папка вернётся. Разве ж смогут капиталисты противостоять сокрушительной силе Красной Армии?

Варя уже занимается с механиками. Техники обслуживают самолёты, и она уже с ними. Я было сунулась, но меня поймал инструктор, отведя к строю курсантов. Здоровенные взрослые парни смотрят на меня с улыбкой, но необходимо. Им тоже любопытно, зачем я здесь. Переодевая, в форме своей лётной, я стою смирно там, где поставили. Нужно будет — расскажут, а если просто постоять позвали, то значит, так надо.

— Итак, — с усмешкой поглядывая на курсантов, произносит инструктор, товарищ Орлов, — сейчас товарищ Синичкина покажет бывалым пилотам, как она может летать. Отставить! — злобно рычит он, отчего все подтягиваются. — Прошу, Валентина.

Я киваю и иду к самолёту, к моему уже, «троечке». Номер третий у него на хвосте нарисован, потому и «троечка». Почему рыкнул инструктор, понятно: увидел насмешку в глазах курсантов и пресёк, чтобы не обидели. За это я ему очень благодарна, потому что не реагировать было бы сложно. А пока я надеваю парашют, товарищ Орлов же подводит строй поближе, но внимания на них я больше не обращаю, а провожу предполётные процедуры.

— А чего она гуляет, товарищ инструктор? — интересуется кто-то очень глупый.

— А вот мы спросим, — хмыкает товарищ Орлов. — Что вы сейчас делаете, товарищ Синичкина?

— Провожу предполётный осмотр машины, товарищ инструктор, — спокойно докладываю я. — Во-первых, по инструкции положено, во-вторых, пренебрегать безопасностью может только очень глупый человек.

— Вот так-то, товарищ курсант, — смеётся товарищ инструктор. — Юная совсем девчонка инструкцию знает, а матёрый опытный пилот вдруг нет.

И курсанты смеются, но не надо мной. Но на того, который хотел себя большим над девчонкой показать, я не смотрю. Много чести! Вместо этого спокойно залезаю в самолёт. Провожу предстартовую подготовку, поднимаю руку, показывая, что к старту готова. Хоть и не испытываю я той уверенности, которую продемонстрировать хочу, но сейчас просто нельзя показать, что опыта у меня почти что и нет, ведь меня ждёт небо. Нельзя допустить, чтобы надо мной смеялись. Но запуститься я не успеваю — на крыло инструктор вспрыгивает.

— Валя, я посажу назад тебе курсанта, сделай ему аттракцион, — просит меня товарищ Орлов, на что я киваю, хотя нахожусь в полнейшем удивлении.

Так не бывает. Ладно, на основании лётной книжки меня допустили к полётам, но фактически быть вывозным лётчиком — для этого надо уметь больше. А я максимум что могу — петлю Нестерова сообразить или ещё чего. Но товарищ Орлов, выходит, мне очень доверяет, иначе зачем бы ему так сильно рисковать? А риск тут огромный, значит, верит в меня. Но почему?

— От винта! — кричит техник, и мотор заводится. Впереди ждёт небо, куда я устремляюсь изо всех сил.

Я не смотрю, кого мне посадили, мне это совершенно неважно. Товарищ Орлов приказал встряхнуть душу, а это значит, что мне разрешён пилотаж. И вот я набираю высоту, делаю горку, другую, резкий разворот, не забывая дать педаль, затем ещё один, в другую сторону, вхожу в петлю, ухожу в пикирование. Сейчас мне кажется, что действительно нападает кто-то злой на меня, отчего я использую всё, чему меня научили за это время.

— Умница, Синичка, — неожиданно слышу в переговорной трубке женский голос. — Давай на посадку.

— А можно ещё чуть-чуть? — прошу я больше по инерции, понимая, что сзади совсем не курсант сидит.

— Ну полетай ещё, — со смехом отвечает мне незнакомка. — Побудь с небом.

Она понимает меня! Понимает, что лишь в небе я живу по-настоящему! И в благодарность я перестаю крутиться, взлетая повыше, чтобы ощутить это единение с бездонным небом, чтобы насладиться чувством полёта и забыть обо всём. На приборы я, впрочем, поглядываю, поэтому, когда горячее подходит к концу, без напоминания иду на посадку.

Мягко приземлившись, заруливаю на посадку, посмотрев ещё разок на небо. Вылезаю, видя улыбку товарища Орлова. Оглядываюсь — а позади меня стоит в командирской одежде хорошо известная каждому Воронцова. Она летала вместо с самой Фальковой! То есть за замечаниями — это к ней, как к старшей.

— Товарищ Воронцова, — докладываю я, приложив руку к пилотке, сменившей шлем, — полёт закончила. Разрешите получить замечания!

— Молодчина ты, Синичка, — обнимает она меня, называя школьным прозвищем, которое ей знать неоткуда. — Просто умница большая!

— Ну что? — спрашивает её товарищ Орлов, подходя поближе.

— Талант девочка, буду учить, — твёрдо отвечает она, не выпуская меня из объятий. — Обязательно буду!

— Вот и хорошо, — кивает он, а я пытаюсь прийти в себя.

Ну хоть сказки не случилось, со мной летала инструктор. Настоящий боевой лётчик товарищ Воронцова — и она хочет меня учить летать? Меня? Это чудо просто, ведь учит она обычно курсантов военных школ. Я чего хотела в училище-то? Думала к ней попасть, чтобы научиться летать по-настоящему, ведь о себе я всё знаю.

— А что это значит? — тихо спрашиваю, всё ещё находясь рядом.

— Каждый день я буду учить тебя летать, — объясняет она. — А Таня будет учить твою сестру. И если всё получится не слишком плохо, то вы не расстанетесь.

Я не понимаю, о чём она говорит, но киваю. А затем начинается совершенно непонятная мне суeta — какие-то бумаги оформляют, о чём-то спорят, но вот сильно удивлённых курсантов-мужчин я замечаю только тогда, когда они в полторку грузятся. Они действительно смотрят на меня с удивлением большим, не ожидали, наверное, что девчонка так летать может. И эти их взгляды наполняют меня гордостью.

— Так, — товарищ Воронцова подходит ко мне. — Держи документ, — протягивает мне лист бумаги, на котором что-то написано и печати виднеются. — Вместе с сестрой до сентября с восьми утра здесь.

— Есть, — по уставу отвечаю я, а внутри всё сжимается: неужели она думает, что война затянется?

— В сентябре решим, — коротко заканчивает товарищ инструктор. — Сейчас топаешь к парашютистам. Прыгала когда-нибудь?

— Ещё как! — улыбаюсь я, вспоминая наши прыжки.

— Тогда начинаешь с укладки, а там и к прыжкам. Всё ясно? — товарищ Воронцова ждёт возмущения, но его не будет. Она инструктор, ей виднее.

— Ясно, товарищ инструктор, — стараюсь говорить твёрдо, уверенно. Но на её лице добрая улыбка, и это явно не насмешка. А что тогда?

— Сработаемся! — рубит она, посылая меня жестом, куда сказано.

Инструкторам действительно виднее, а на укладке всегда помощь нужна, так что дело мне знакомое. Я просто ещё немного оглушена всем произошедшим и не знаю, за что хвататься, поэтому просто подчиняюсь требованиям устава. Вот.

Первый раз

«Прямая обязанность каждой комсомольской организации ввести регулярные военно-физические занятия для молодежи. Необходимо, чтобы комсомольские организации активно участвовали в охране наших социалистических предприятий, мостов, железных дорог, линий связи — всего, к чему враг будет пытаться протянуть свою грязную лапу. Всегда надо помнить о том, чему нас учит товарищ Сталин — уметь владеть оружием, уметь в любую минуту грудью встать на защиту своего отечества»⁹.

Школьный комитет комсомола, когда Варя открепляться пришла, в полном удивлении был, конечно. Но бумага, в которой сказано, что мы курсанты, оказала сказочное влияние, поэтому мы теперь приписаны к комсомольской организации лётной школы. И Варя, и я понимаем: эта школа, она временная, но и здесь нас многому научат, а там — кто знает, что нас ждёт.

Неделя войны уже за спиной, а сводки всё ещё туманные очень, и понять из них можно мало. При этом тётя Зина хмурится, когда читает. После школы мы с Варей очень уставшие, но обе довольные очень, ведь мы учимся новому. Вот и сейчас сидим за ужином с тётей Зиной, рассказывая о произошедшем за день, и её слушаем, а вот затем я и задаю свой вопрос.

— Понимаешь, Валюша... — она некоторое время в задумчивости смотрит поверх моей головы, будто сомневаясь, говорить или нет, — о победах кричат громко, а вот о поражениях...

— Значит... — я в неверии поднимаю на неё взгляд и вижу только тоску в глазах этой женщины, не побоявшейся сказать мне. — Я никому не скажу!

— Умница ты, Валя, просто умница, — кивает тётя Зина. — Что у вас слышно?

— У нас через две недели будут ночные полёты, — сообщаю ей. — Так здорово! Я никогда не летала ночью, но товарищ Воронцова говорит, что учиться будем!

— И я с тобой, — вздыхает Варя, ведь идея не спать ночью ей совсем не нравится.

— И ты со мной, — обнимаю я её. — Представь только, летняя ночь, тишина, и ту-у-ут!

— Ага, — кивает она, прикрыв глаза. — Писем нет совсем, и хоть времени немного прошло, а что-то тревожно мне.

— Всем тревожно, девочки, всем, — тётя Зина о чём-то задумывается. — Ну тогда сделаем так: вы когда на аэродроме ночью будете, я в госпитале оставаться стану. А то чего это я одна буду в квартире?

И я понимаю, что ей просто страшно одной оставаться. Хочется остаться, изменить решение, да поздно уже, нас в расписание поставили. Так что недели две так полетаем, а потом опять нормально будем. А там, глядишь, и война закончится, вернётся папка, я в школу отправлюсь, а после неё и в училище. И Варьку на лётное уговорю, а как же! Будем вместе летать...

Мне даже ночью снится, как мы с ней летаем, только почему-то на бомбардировщике, огромном, как автобус. Летим, а вокруг никого, только снежные поля до горизонта, и не видно совсем ничего. Вот такой у меня странный сон... Но утром мы быстро собираемся и, привычно уже чмокнув тётю Зину в щёчку с обеих сторон, уносимся на аэродром. Мы едем в метро, затем в трамвае, а дальше только пешком до самого места, где нас уже ждёт учёба.

Я не задаю вопросов о том, зачем меня так интенсивно учат, да ещё и наравне с другими курсантами. Если товарищ инструктор считает, что так правильно, значит, так оно и есть, меня к этому папа приучил. Есть такое слово «надо», а так как я очень люблю летать, то должна уметь. Так товарищ Воронцова говорит, а кому, как не ей, знать.

⁹ «Комсомольская Правда» №150 (4936) от 28 июня 1941 г.

— Синичка, иди-ка сюда, — зовёт меня та, о ком я только что думала. — Сейчас полетаешь с товарищем, — показывает на совсем юного парня ничем не примечательной наружностью. — Как со мной в первый раз. Поняла?

— Есть! — взвизгиваю я, радостно заулыбавшись, и кидаюсь к самолёту.

Получается, неделю уже я летаю самостоятельно. Обычно со мной инструктор, она меня разным «штукам» учит, но иногда я уже и совсем одна лечу. Кажется, небо радуется мне в любом качестве, а я просто счастлива управлять послушным «утёнком». Интересно, а если на истребителе попробовать, у меня получится? Вот я проверяю самолёт под улыбками техников — они привыкшие уже, а пассажир тем временем залезает в кабину. Я прыгаю на крыло, чтобы сначала проверить его ремень — не дай Маркс, выпадет, ну а оттуда и в кабину залезаю.

Сегодня ветрено. Порывистый ветер, но несильный, лёгкий очень, а на высоте его, скорее всего, и вовсе нет, но пассажир этого не знает. Вот он какой бледненький, не доверяет молоденькой девчонке. Другие курсанты, которые уже видели, как я умею, делятся впечатлениями. Я же запускаюсь и спокойно рулю к полосе. Ему лет семнадцать, наверное, за что ж ему «аттракцион» решили сделать?

Непонятно совсем, но и не моего ума дело. Буду издеваться сейчас над ни в чём не повинным юношей. И с этими мыслями взлетаю, потянувшись сразу ввысь, поглядывая при этом в зеркальце. У меня зеркало установлено, чтобы того, кто сзади, видеть, как у настоящих инструкторов. Так что я поглядываю на него. Если плохо станет — садиться придётся, а то меня техники кабину мыть заставят.

И вот когда я начинаю пилотаж, то вижу, как розовеют его щёки, а в глазах восторг появляется. Буквально сиять глаза начинают, и я понимаю: он так же, как и я, небом живёт. И почувствовав это наше родство, я принимаюсь крутиться так, как никогда до этого. Но его не укачивает, я же вижу: он наслаждается. И в полёте мы радуемся небу вдвоём. Делим это счастье на двоих, как будто чувствуя одно и то же.

— Тебе сколько лет? — интересуюсь я в трубку.

— Семнадцать, — отвечает он, улыбаясь. — А тебе?

— Шестнадцать, — признаюсь я, и добавляю, — будет.

— Ого... Меня Ильёй зовут, — представляется он, наслаждаясь полётом, а я на посадку иду.

— Валя, — отзываюсь, доворачивая на посадочное «Т». — Садимся, — предупреждаю его.

— Жалко... — оправдывает Илья мои ожидания.

Я знаю, мы можем больше никогда не увидеться, но сегодня я познакомилась с парнем, разделяющим мою любовь к небу. Я почувствовала себя... Странно я себя ощутила, на самом деле, никогда со мной такого не было. Сегодня в небе я была не одна... И что это на меня нашло?

Зарулив на стоянку, я только и киваю инструктору, а она подходит поближе, чтобы услышать моё мнение. Это приятно просто до визга — ко мне как к инструктору относятся. Это огромное доверие и не меньшее счастье. Я, конечно, понимаю, если бы не дядя Олег и не папа, она не стала бы со мной заниматься, да и с аэродрома меня бы прогнали, но даже признавая, что не совсем честно летаю, не смогу от этого отказаться.

— Он такой же, как я, — говорю я товарищу Воронцовой, точно зная — она поймёт.

И судя по улыбке, она ещё как понимает! Мне кажется, что я подтвердила какие-то её мысли, и от этого тоже радостно. Очень мне радостно на душе от таких слов, ведь значат они, что меня как равную принимают. Что может быть более ценным?

Две недели пролетают незаметно. Илья о себе знать не даёт, зато я получаю первое письмо от папы. А Варя — от мамы! И мы очень радуемся этому факту, потому что родные наши живы, получается. А тётя Зина тоже радуется, потому что в газете написали, что её младший сын награждён орденом «Красное Знамя». Это тоже весточка, ведь не стоит нигде злое «посмертно».

— Товарищ инструктор, а почему всё же?.. — обращаюсь я к той, кто меня учит летать.

— Почему я вожусь с тобой? — понимает она суть вопроса. — Не только потому, что попросили. Ты обещаешь быть очень хорошим лётчиком, если выживешь.

Это её «если выживешь» тревожит меня, но не сильно, потому что война скоро закончится. Она обязана совсем скоро завершиться, ведь нас не могли же обманывать! А ополчение в Ленинграде—это чтобы люди были заняты делом. И рытё укреплений, куда студентов, по слухам, увезли, — тоже, чтобы не бродили просто так. Ну, наверное, потому что иначе очень страшно становится.

И вот сегодня у меня будет первый ночной полёт. В мирное время меня бы быстро на выход наладили, да ещё ускорение придали, а вот теперь война, и Родине нужны летчики. Даже, получается, такие, как я. Хотя вряд ли я понадобится, но почему-то же со мной возятся? Загадка, на самом деле, даже большая, но однажды я её разгадаю, я это знаю.

Десять вечера. Давно стемнело, светит прожектор посадочный. Из-за того, что время военное, район полётов очень ограничен, а если в сторону Москвы заблудиться, то и сбить могут, а жить мне нравится, поэтому нельзя мне. Лечу я не одна, с товарищем Воронцовой, которую зовут Марья Петровна. Случайно услышала, как к ней обращались, и запомнила. Мне-то она не представлялась, а раньше я только её фамилию знала.

— Синичка, готова? — интересуется она, когда я уже одета и рассматриваю самолёт с фонариком в руках.

— Готова, Марь Петровна! — докладываю ей, на что она улыбается.

— Тогда пошли, летаем, — предлагает Марья Петровна, направляясь к самолёту, а вот я...

Я не боюсь, вот не пугает меня ночной полёт совершенно, но я товарища Воронцову хорошо знаю — она обязательно какой-нибудь сюрприз приготовила, и не обязательно приятный. Поэтому надо держать ухо востро и внимательно смотреть на приборы и ориентиры, как учили. Хотя именно ночью я не летала никогда, да и в тумане тоже, но теоретически, как ориентироваться, знаю.

Вот звучит привычное «от винта», я подруливаю к старту и начинаю разбег, чтобы затем взлететь. Поднимаюсь вытянутой спиралью, чтобы не отклониться слишком далеко от аэродрома, а вокруг тьма. Только звук мотора моего «утёнка», только тусклый свет приборов, только луна присматривает за мной. Немного боязно, но при этом — я в небе! Небо не предаст меня, никогда не предаст!

— Мария Фёдоровна ещё до войны хотела создать женский полк, — неожиданно звучит в переговорной трубке. — Именно поэтому дали зелёный свет на твою подготовку, чтобы проверить.

— Вот чувствовала я, что не всё так просто, — вздыхаю я в ответ. — Как-то необычно всё было, а мне же ещё и по возрасту...

— С возрастом твоим что-нибудь придумаем, — уверенно отвечает она. — Когда началась война, Маша хотела на фронт, но ей отказали. И сейчас она пытается добиться создания части. Если сумеем тебя подготовить...

— Тогда это может помочь, — понимаю я, а затем задаю вопрос, который не собиралась, но тут нас подслушать некому. — Скажите, там... очень тяжело?

— Догадалась, да? — звучит в ответ. — Очень, Синичка, очень.

Тогда понятно. Если потери большие, могут и женщин взять, кто ж запретит? В нашей стране у нас с мужчинами права одинаковые! Только на деле выходит иначе, конечно, ведь я помню, как на меня смотрели курсанты, когда ещё не знали, что я умею. А тут, наверное, ещё и из-за возраста смеяться будут.

А небо вокруг чёрное с вкраплениями звёздочек, Москва и не видна — светомаскировка. А нет, что-то блестит, мигает будто. Где же это мигает?

— Марь Петровна, смотрите, никак сигнал подаёт кто-то? — обращаю я её внимание на мерцание.

— Вижу, — её голос становится суровым. — Срочно на посадку!

Я произвожу боевой разворот и двигаю сектор газа до упора, стараясь поскорее добраться до прожектора, сейчас помаргивающего только время от времени. Поворачиваю от него, потом ещё раз, просто по памяти, потому что не вижу ничего. У самой земли можно будет, наверное, увидеть посадочный знак. Но в тот момент, когда я почти отчаиваюсь, прожектор вдруг разворачивается вдоль земли, показывая мне направление. Я читала, что так можно указать направление посадки. Мысленно поблагодарив неизвестного мне диспетчера, с ходу сажусь, затем некоторое время качусь, чтобы подъехать к небольшим домикам.

Марья Петровна отстёгивает парашют и чуть ли не на ходу покидает самолёт, ну а я качусь к стоянке. На сегодня, насколько я понимаю, наши полёты закончены, теперь шпиона искать будут. Всё же как-то необычно, мне и шестнадцати нет ещё, только в октябре будет, а меня учат, как взрослою. И, главное, получается у меня! Понятно, что никто на войну не пустит, но, может, я хоть на что-то сгожусь? Почту развозить или раненых?

Кажется, моя вера в то, что война очень скоро закончится, постепенно меркнет. Я же не глупая, очень хорошо понимаю: если речь о партизанских отрядах, значит, оставлена большая территория, а раз говорят об ополчении, а не о Красной Армии, то ситуация может быть ещё горше. Я дочь командира Красной Армии, а папка много где бывал, поэтому, наверное, я могу осознать происходящее. Если фашисты дотянутся своими самолётами сюда, тогда я права, а если нет, то нет. Вот и поглядим...

Я оставляю парашют, сама выкручиваю свечи, чтобы слить остатки масла, а тут Варенька ко мне подходит. Она молча пристраивается рядом, и вместе мы обслуживаем мой «утёнок». Марья Петровна всё не показывается, что совершенно меня не беспокоит — мне нужно погладить мой самолётик. Улыбчивая Варя работает молча, и я вижу, она получает удовольствие. Ровно такое же, как я от неба, она получает сейчас, когда занимается самолётом. Значит, мы с ней просто особенные, вот и всё.

Наверное, так и есть — мы особенные. А в нашей стране принцип какой? Можешь? Делай! Вот я могу и делаю, и Варя тоже, а если у Фальковой всё получится, то и мы пригостим там, где гибнут мужчины. Мы встанем плечом к плечу с ними и отстоим нашу Советскую Родину от полчищ кровавых фашистов!

Предчувствие

«Для успешной организации противовоздушной обороны очень важно, чтобы каждый советский гражданин мог быстро и безошибочно распознавать самолёты и уметь отличать вражеские машины от советских. Общеизвестно, что фашисты часто маскируют свои самолёты, помещая на крыльях советские опознавательные знаки. Поэтому необходимо научиться распознавать машины по внешним очертаниям. Откликаясь на многочисленные запросы читателей, „Комсомольская правда“ решила опубликовать данные о наиболее распространённых типах машин»¹⁰.

Отчего-то беспокойно мне сегодня. Тётя Зина сегодня не в Москве, она вместе с начальником госпиталя по делам «в восточном направлении» уехала. Значит, нельзя говорить куда. Секретность угнетает, конечно, сводки не радуют. Месяц уже целый идёт война, а сводки не самые радостные. Иногда можно услышать страшное слово «оставили». Редко, очень редко, но можно.

От папы опять пришло письмо, необычное — в виде треугольника. Мы его сначала долго разглядывали, а потом уже открыли. Папка пишет, что бьёт проклятых фашистов, что здоров и что вокруг виды, напоминающие то время, когда мне было пять. От этого я всхлипываю, да и Варя присоединяется, потому что это Смоленск. Мы обе знаем, где находились в пятилетнем возрасте, понимая, что папа так дал понять, где он сейчас. А раз истребители так близко, то «на чужой территории» не вышло, это уже понятно и мне, хотя есть надежда на то, что всё обойдётся.

Дядя Олег тоже письмо прислал, его сейчас тётя Зина к груди прижимает, а вот от Варькиного папы писем нет. Только мама время от времени восточку присылает, и то редко. Ну, по её мнению редко, хотя за месяц мы все по два письма получили, а это не так чтоб сильно плохо, по-моему. На аэродроме некоторые курсанты и за одно благодарны, так что...

— Синичка, готова? — интересуется Марья Петровна.

— Готова, — киваю я, глядя на то, как Варя осматривает самолёт.

Её теперь на обслуживание под наблюдением, но фактически одну ставят. И готовит Варенька мой самолёт к вылету, улыбаясь радостно. Вот бы так было всегда... Но если нас возьмут на войну, то там будут другие приказы и никто не спросит. Меня могут не взять в лётчики, например, а только младшим протирателем дутика¹¹. Это шутка такая авиационная. Грустная, на самом деле, но тут ничего не поделаешь.

— К машине! — командует товарищ инструктор, и я подхожу к Варе, чтобы вместе с ней осмотреть самолёт.

Инструкции очень важны, так что мы внимательно смотрим, а затем я залезаю в кабину. Пробую рули, педали, надеваю шлем, проверяю переговорную трубку, затем уже поверх ложатся и очки — специальные, чуть выпуклые, защищающие от ветра. Всё, я готова, о чём сообщаю поднятой рукой. Сегодня меня в полёт Варенька провожает. Она крутит винт, помогая мне завестись, и улыбается. Всё точно в порядке будет, раз она улыбается.

— На взлёт, — командует товарищ Воронцова, и я послушно трогаю газ, разбегаясь по полосе.

Небо чистое, звёзды сияют, а вот луна убывающая, да и того уже нет. Пусто на небе, темно, закатилась луна давно. Неподдалёку громада Москвы возвышается, но приближаться к ней нельзя, это мне известно. Я набираю высоту, сливаясь в единении с небом. Тут некстати

¹⁰ «Комсомольская Правда» №172 (4958) от 24 июля 1941 г.

¹¹ Небольшое пневматическое колесо хвостовой опоры

вспоминается тот парень, Илья. Ему бы сейчас понравилось лететь так... Чего это я о нём вспомнила?

Взлетаю всё выше, но тут у меня появляется какое-то тревожное предчувствие. Не с чего ему появиться, но всё же. Несколько минут борюсь с ним, но справиться почему-то не могу. Надо на посадку, но как я объясню прерывание полёта? Смеяться будут, могут и прогнать, ведь суеверия у комсомолки... Нехорошо это. Может, соврать? Ну, сказать, что в туалет...

— Что, Синичка? — слышу я озабоченный голос Марьи Петровны.

— Предчувствие... — от неожиданности говорю правду.

— Предчувствие... — повторяет она за мной. — Ну-ка, быстро на посадку!

— Есть! — радостно улыбаюсь, уже устав бороться с собой, и устремляюсь обратно к аэродрому.

Сажусь я как-то очень быстро, как будто кто-то помогает, заезжаю на стоянку и только тут расслабляюсь.

— И что теперь? — негромко спрашиваю я.

— Теперь идём интересоваться, не было ли тревоги, — спокойно отзывается товарищ инструктор. — Разгоняем всех и ждём.

Она что... Она, выходит, мне верит? Верит моему предчувствию? Я вылезаю из самолёта, чтобы взглянуть в глаза Марье Петровне, — не шутит ли? Но в глазах её нет смеха, только беспокойство. Она действительно мне, получается, поверила и уже готова идти разбираться в том, что меня могло встревожить. Такого доверия я ещё не встречала. Товарищ Воронцова спрыгивает с крыла, и в этот самый момент над аэродромом повисает красная ракета. «Полёты запрещены».

— Вот и дождались, — удовлетворённо кивает Марья Петровна. — Пошли узнаем, что случилось.

— Ага, — ошарашенно соглашаюсь я.

Всё освещение на аэродроме гаснет, вообще всё: и посадочное, и навигационное. Становится темно до невозможности, но товарищ инструктор ловит меня, застывшую от неожиданности, за руку и ведёт за собой. Я не вижу, куда иду, хоть глаза и начинают постепенно привыкать к темноте.

— Синичка, чего случилось? — из темноты, будто проявляясь на фотокартчке, появляется Варя, вмиг хватая меня за руку.

— Предчувствие, — вздыхаю я.

— Ого! — сразу же реагирует она, теряя улыбку. — Твои предчувствия — не игрушки.

— Да ну, — отмахиваюсь я. — Всего-то разок и было.

Мы доходим до домика, в котором, по-моему, штаб расположен. Прямо у дверей стоит кто-то, только я не вижу, кто это. Я и его больше угадываю, чем вижу, поэтому останавливаюсь, лишь чудом на Марью Петровну не налетев.

— Что, Василич? — негромко спрашивает она.

— Летят, — вздыхает он. — Так что...

— Ну-ка, девушки, за мной! — командует товарищ инструктор, уводя нас, по-моему, за пределы аэродрома. — По правилам, тут и щели быть должны, но...

Эта фраза её мне сейчас совершенно непонятна, но Марья Петровна достаёт фонарик и, подсвечивая им себе под ноги, куда-то целеустремлённо идёт. Наконец нам встречается неглубокий овраг, в который она и спускается. Не понимая, что делать нужно, я застываю, да и Варя тоже.

— Залазьте сюда, — приказывает нам товарищ Воронцова, и мы немедленно слушаемся. — Вот тут и посидим. Посидим и послушаем.

Сначала вокруг очень тихо, а затем я начинаю что-то слышать, как будто где-то вдали шмель гудит, такой примерно звук. А вот позже, спустя ещё некоторое время, не знаю даже,

как долго, впереди и по бокам начинают стрелять зенитки. Звук такой характерный, я слышала один раз в детстве. Вся Москва, кажется, стреляет, а ещё прожекторы шарят по небу, ловя самолёты. Меня немного пугает происходящее, потому что я его совсем не понимаю.

Что-то взрывается в воздухе, затем свист раздаётся, и возникает ощущение, что земля трястись начинает. Потом я опять слышу свист, заворожённо наблюдая подсвеченный красным разрыв на аэродроме. Но цель, по-видимому, не он, а наша столица, отчаянно грызущая сейчас врага зубами зенитной артиллерии.

Мы привыкаем.

Тётя Зина работает заместителем по политической части в госпитале, она не доктор, но очень важный человек. В госпитале есть бомбоубежище, у нас на аэродроме тоже уже есть, а бомбят часто ночью, потому что ночных истребителей у нас мало. Днём-то пробиться не могут, а вот ночью... Поэтому метро временами не работает — точнее, только убежищем работает, а мы ездим на пригородном поезде.

Мы привыкаем к бомбёжкам, к тому, что смерть может прийти в любой момент, и тогда среди привычных уже треугольников писем вдруг появляется страшный серый конверт извещения. Варианта только два: или «пропал без вести», что, скорее всего, означает плен, или «погиб». И ещё неизвестно, что хуже, потому что если без вести, то есть шанс. Маленький, но есть. Поначалу мы ещё не знаем этого страха, пока беда не приходит и в наш дом.

— Я почту возьму, — улыбаясь, но уставшая сильно Варя тянется к почтовому ящику. Тётя Зина придёт лишь вечером, а мы сейчас будем спать. Ночью у нас опять полёты, при этом Марья Петровна хочет меня к чему-то полезному, кажется, пристроить.

— А я пока чайник поставлю, — отвечаю ей, направляясь на кухню.

Надо позавтракать и спать. К вечеру проснёмся, и тогда опять летать. Товарищ инструктор настаивает именно на ночных полётах, получается, что-то знает. Мысли в голове шевелятся неохотно, хоть летаю я не одна, ещё с десятков курсантов пытаются за Синичкой угнаться. А сегодня дымовую завесу для нас ставили, учили аэродром искать. Устала — жуть как. А Варю всю ночь в противогазе продержали — учили производить ремонт в условиях химической атаки.

И в этот момент я слышу всхлип, а потом тоненький такой писк, будто котёнка задавили. Бросив спички, опрометью несусь в прихожую, где на полу сидит Варя, сжимая в руке какой-то листок, а глаза у неё... Потерянные глаза у моей сестрёнки. Пусть не по крови, но Варя мне сестра, ведь ближе мы с ней подруг. И я бросаюсь к ней, поднимаю с пола, пытаюсь достучаться.

— Варя, Варенька, что случилось? — я торможу её, а она будто и не здесь совсем, но затем...

— Папа... — срывается с её губ, и мир на мгновение гаснет.

Я сразу же понимаю, что означает это «папа». Обнимая её так же, как она меня, когда мама... Я обнимаю сестрёнку, только что узнавшую, что папы больше не будет. Подлые фашисты убили её папу, весёлого, никогда не унывающего человека. Человека, в отличие от них! Я прижимаю Варю к себе, желая разделить это горе на двоих, и через мгновение мы плачем вдвоём. Что может быть страшнее этого известия?

Я не знаю, сколько времени проходит, потому что в какой-то момент мы обе засыпаем. А потом нас находит пришедшая с работы тётя Зина. Она обнаруживает клочок извещения на полу и всё сразу же понимает. Наверное, в госпитале уже видела такое, да только, когда мы с Варенькой вдвоём просыпаемся, рядом сидит тётя Зина, поглаживая нас обеих по головам.

— Вот и пришла к нам в дом беда, — вздыхает она, о чём-то задумавшись затем.

— Папа... папа... — шепчет Варя, я же её пытаюсь растормошить, не дать упасть в пучину своего горя, как она меня когда-то давно.

Как успокоить её, узнавшую, что папы больше нет? Не найти таких слов, что могут пригасить жгучую боль внутри. А ведь завтра на таком же сероватом листочке, может быть, окажется имя и моего папы. Каждый из них может погибнуть в любой момент, идёт война. Она такая — не только летящие сверху бомбы, не только загрохотавший стрекот зениток, но ещё и смерть. Каждое мгновение кто-то гибнет. Это я теперь хорошо понимаю.

И здесь, в тылу, можно погибнуть — от бомбы, от обрушения, от чего угодно. Лучше на войне, если уж суждено. Хоть что-то полезное сделать, хоть одного фашиста убить. Очень мне хочется за Вариного папу отомстить. Вот об этом я ей и говорю: мы выучимся и обязательно полетим убивать фашистов. Чтобы их дочери плакали, а не наши! И мы снова с Варей плачем, потому что вынести это просто невозможно.

— Поешьте, девочки, — зовёт нас тётя Зина, и я поднимаю Варю с кровати.

— Пойдём, надо есть, — я буквально тащу её на себе, ведь для моей сестры сегодня рухнул мир.

Папа... Самый родной, близкий человек, он всегда рядом. Мы к этому с ней привыкли, и теперь война отняла его у Вари. Кто знает, не отнимет ли у меня? Кто это может предсказать? Я не представляю себе, что она сейчас чувствует, просто не представляю. А вечером надо ехать на аэродром, причём успеть до запрета. И мы поедем обязательно. Потому что нам нужно учиться, чтобы, если вдруг выйдет, отправиться на фронт. Нам есть за кого мстить.

Но беда не приходит одна. Плач, буквально вой тётя Зины мы слышим ещё с улицы. И снова история повторяется. Мы вдвоём обнимаем её, уговариваем, кормим и в постель укладываем, а на столе сереет страшное извещение о её старшем сыне. Я помню его всегда серьёзным, внимательным, он относился ко мне, как к младшей сестрёнке, однажды даже в угол поставил, не помню за что. Он всегда был готов помочь, рассказать, объяснить, и вот теперь его больше нет. Война забрала и его, ещё в начале июля забрала. Вот почему писем не было, а извещение просто долго шло.

Я слышала, такие конверты начали называть «похоронками», потому что несут они горе в семью. Страшное горе... «Ваш муж, отец, брат пал смертью храбрых...». Я боюсь теперь этого конверта, просто боюсь, и всё, потому что выдержать такое никак невозможно. Одно за другим два извещения полностью выбивают из меня ожидание скорого конца войны, потому что теперь я отомстить хочу. И Варя хочет, я знаю.

— Мы отомстим, тётя Зина, обязательно! — обещаю я ей, а тётя Зина обнимает нас обеих и называет доченьками.

Сколько мы ещё потеряем, сколько похоронок придёт ещё, кто знает? Никто этого сказать не может, но сейчас мы все вместе укладываемся в постель, надо поспать хоть немного. Нужно отдохнуть, чтобы потом учиться летать. Я не знаю, получится ли на фронт, но понимаю — пока учусь, я занята правильным, важным делом. Значит, нужно учиться ещё лучше.

Сейчас я впервые задумываюсь ещё об одном — о мытье. Вчера я перемазалась в земле, когда пряталась от бомб. Дома помыться не проблема, а что, если воды не будет? Или мы окажемся где-то в поле? Ходить с грязными волосами — мысль очень плохая, значит, нужно постричься, но мама так любила мою косу... И я сажусь писать письмо папе, решив затем поговорить и с тётей Зиной, и с Варей. Мне важно их мнение.

Испытание

«Ещё в дни, когда передовые части Красной Армии принимали первый удар механизированных гитлеровских полчищ, по почину патриотов Москвы, Ленинграда, Киева и других городов повсеместно начали формироваться могучие полки народного ополчения. По всем городам и сёлам в отрядах народного ополчения, в истребительных батальонах, в дружинах боевого резерва, в сотнях тысяч кружков военным делом овладевали многие миллионы патриотов. Отныне всеобщим и обязательным военным обучением будут охвачены все граждане СССР мужского пола в возрасте от 16 до 50 лет, способные носить оружие. Руководство этим делом первостепенной важности возложено на Наркомат обороны и его органы на местах»¹².

На самом деле, это нечестно — только о мужском поле говорить. Такое ощущение, что женщины вообще игнорируются, а это обидно. Именно поэтому хочется всем доказать. И похоже, сегодня у меня будет такая возможность, раз нам с Варей приказано прибыть вечером, а не ночью. То есть взлетать будем в сумерках. Интересно, с какой целью?

Когда мы с Варей в конце августа задали вопрос Марье Петровне, она показала нам бумагу о том, что мы курсанты, то есть уже учимся. Товарищ Воронцова говорит, что всё должно решиться до первого ноября. Или у нас будет изменение судьбы, или нет, а сейчас пока сентябрь. Погода меняется быстро, но учат меня очень интенсивно зачем-то. И меня, и Варю. К практике добавляется теория. Действительно теория, и много её! Тут сильно помогает, что я отличница — проблем освоить для меня нет. Всё же к чему меня готовят?

На аэродром сегодня тётя Зина едет вместе с нами. Впервые, кстати, после долгого перерыва она с нами, поэтому мы приезжаем на автомобиле, минуя все посты и оставляя за собой сильно удивлённых милиционеров. Юных девчонок с такими документами они ещё не видели.

— Сегодня у вас обеих важное испытание, — негромко говорит нам тётя Зина, потеснившая нас на заднем диване. — Вале нужно действовать чётко, а Вале быть внимательной и во время «аттракциона», и во время «театра».

Тот факт, что она знает наши названия, меня не удивляет, ведь не мы их придумали. А она, явно волнуясь, рассказывает мне, что сегодня я буду вывозить двоих старших командиров. Сначала мужчину, потом женщину, и вот первому нужно устроить «аттракцион», чтобы показать, что я могу, а второй — «театр», который мы последние два дня тренируем.

— Очень многое от этого зависит, Валя, очень, — повторяет тётя Зина, вздохнув. — Если убедишь этих двоих в том, что умеешь летать, то и летать будешь, а иначе...

— Я правильно понимаю, что речь не только обо мне? — внимательно гляжу я в её глаза, читая в них ответ.

За прошедшие месяцы я избавилась от мечтаний о том, что война скоро закончится, начала лучше понимать происходящее. Герой Советского Союза Фалькова хочет создать женские полки в авиации, чтобы позволить нам встать плечом к плечу с мужчинами. Но одно дело опытные, обученные лётчицы, а другое — с нуля. Полк — это не двадцать человек и не тридцать, а больше сотни. А ещё нужны штурманы, техники, специалисты по вооружению... Много кто есть в полку, поэтому Фалькова хочет показать, что можно научить.

Теперь мне всё понятно, о чём я и сообщаю. Варя тоже кивает. Подумать только, уже сентябрь. По слухам, о которых говорить нельзя, окружён Ленинград, что-то нехорошее в Киеве и потерян Минск. Всё хуже ходит почта, всё тревожнее на душе, и очень страшно получить серый конверт. В «Комсомольской правде» недавно писали о том, что фашисты хотят нас всех убить,

¹² «Комсомольская Правда» №220 (5006) от 18 сентября 1941 г.

что-то такое было в письмах убитого немца, а это значит, что подниматься на бой должны все: и мужчины, и женщины!

— Если спросят, сколько тебе, говори, что семнадцать, — наставляет меня тётя Зина. — Это, конечно, ложь, но...

— Иначе слушать не захотят, — киваю я, понимая уже, мужчины такие твердолобые бывают... — Хорошо.

Автомобиль поворачивает, заезжая в лесок, и останавливается рядом с двумя другими неизвестными машинами, у которых скучают водители. Серьёзные автомобили, судя по всему. Тётя Зина в форме своей, мы с Варей тоже, ложатся пилотки, которые мы друг другу поправляем, и вылезает на свет, сильно удивляя мужчин.

Прохладно уже, на самом деле, но в полёт куртку надену, у меня есть, а Варя тоже чего-то накинёт, тётя Зина позаботится. Смеркается уже, но всё пока видно, хотя летать будет тяжело. Скорее всего, именно на это и рассчитано — чтобы было плохо видно. То есть затрудняют полёт максимально. Ну да ничего, это не сквозь завесу пытаться посадочное «Т» разглядеть. Справлюсь, куда денусь.

Мы идём к трём военным. Двоих я не знаю, и петлицы у них прикрыты, но докладывать надо в любом случае инструктору, потому что так принято. По уставу нет, а вот по правилам да. Раз я не вижу петлиц, да и стоят они ко мне спиной, в отличие от Марьи Петровны, то докладывать буду ей. Мы переходим с Варей на строевой шаг, им с нами тоже занимались. Полночи летаешь, а вторая половина — шагистика эта, хоть и засыпаешь на ходу. Так наша инструктор выносливость у нас тренировала. И все мучения только ради этого момента, когда кто-то грозный будет решать, имеем ли мы право летать и воевать. Не я даже, а все женщины! Ответственность жуть просто какая...

— Товарищ Воронцова, курсанты... — начинаю я доклад, глядя прямо перед собой. Именно это помогает мне не запнуться, когда военные разворачиваются ко мне лицом.

Мама дорогая! Это же Фалькова! Сама! Я с трудом держу себя в руках, напоминая себе, что дисциплина прежде всего. Хотя удивляюсь я довольно явственно, что по улыбке Марьи Петровны хорошо понятно. Ну вот доложившись, замираю, стараясь не глазеть на символ для всех лётчиц Советского Союза.

— А узнала нас девочка, — мягко произносит командир с прикрытыми петлицами. — И петлицы ищет взглядом. Ну-ка, сколько времени тебя товарищ Воронцова учит?

— С июня, товарищ... — не знаю я, как к нему обращаться.

— С июня, — задумчиво произносит он. — Убедительно. Ну пойдём, покажешь, что умеешь, — приглашает он меня к самолёту, но я не шевелюсь. — Что такое?

— К самолёту, Синичка, — даёт разрешение инструктор, а я вижу в глазах незнакомого командира удовлетворённое выражение. Проверял, значит. Ладно, проверяльщик.

Надев куртку и парашют, я осматриваю самолёт, тем же и Варя занимается, ведь готовила его не она. Проверяю строго по положению инструкции, а проверяльщик меня подгонять пытается, но я его игнорирую. Не огрызаюсь, но и не реагирую, совсем, хоть и хочется... М-да. Нельзя ведь никуда посылать командира. Наконец я залезаю внутрь, а Варя проверяет ремни — все ли пристёгнуты.

— От винта! — кричит Варя, резко кидая лопасть вниз.

Самолёт явно вылизали, потому что заводится просто моментально, без обычного чихания. Затем я рулю уже на взлёт, чётко выполняя все требования инструкции, даже те, что обычно не выполняются из-за очевидной их глупости. Но проверяльщик меня уже трижды проверил, так что шансов я ему не дам. Не позволю я ему посчитать, что девушка может хуже мужчин с самолётом обращаться!

Такого проявления эмоций я не ожидала, конечно. Когда он на меня сурово посмотрел, испугалась даже, ну а потом он продемонстрировал, что понравился ему «аттракцион». Уже почти совсем темно, я от самолёта не отхожу, потому что команды не было, а незнакомый, но явно начальствующий командир улыбается.

— Завтра пойдём, — говорит он Марии Фёдоровне Фальковой, — всё доказала ты мне!

— Ура, — серьёзно отвечает она. — Разрешешь полетать с ученицей? — интересуется у Марьи Петровны.

— На здоровье, — смеётся та, показывая мне на машину, которую сейчас обслуживает Варя.

— Сработанная вы пара, я гляжу, — замечает Герой Советского Союза, видя, что понимаем мы друг друга с полуслова.

— Сестрёнки, — отвечаю я ей, заканчивая помогать и начиная осматривать.

Бензин под крышечку, масло в норме, всё отлично выглядит. Сейчас у меня будет «театр», к которому заранее не подготовишься — меня лучом прожектора освещать будут. Он яркий, ослепляющий, и задача манёвром выйти из него, причём даются на это секунды, ведь по освещённому самолёту легче всего попасть. Я видела уже, как фашиста так сбили во время одного из налётов. Так что...

Три месяца почти меня учит летать один из лучших инструкторов, два года перед тем учили тоже. Значит, есть шанс впечатлить и Фалькову. Тем более мы тренировались именно в этом «театре». Так что надо собраться, взять себя в руки, усаживаясь в кресло. Шлемофон, пристегнуться. Варя проверяет, на мгновение всего обнимает меня и... Запуск!

— Как у тебя со здоровьем? — интересуется спокойный голос Марии Фёдоровны, когда мы взлетаем.

— Лучше всех, — отвечаю я, высматривая ориентиры.

— Подозреваю, что вы что-то приготовили с Марьей, чтобы впечатлить несгибаемую меня, — со смешком произносит она. — Но мы с тобой сейчас полетим по моим командам, согласна?

— Есть, — отвечаю, успев заметить её кивок в отражении.

— Курс сто десять, — командует она.

— Есть курс сто десять, — отзываюсь я, как учили, потому как мы почти что на нём.

— Ты понимаешь, что там могут убить? — тем же спокойным голосом продолжает спрашивать она.

— Понимаю, но папу тоже могут, а он не боится, — отвечаю, боясь, что о маме спросит, но она молчит. О маме спокойно говорить я не могу, а в полёте это опасно.

— Героические мои девчонки, — вздыхает героиня. — Курс...

Она командует, я держу курс, понимая, что выбралась за пределы обычного круга, но надеюсь, что не собою. Начинается дождик, летать, впрочем, ещё можно. Мы пристёгнуты, парашюты надеты, так что ничего страшного случиться не может. А команда следует за командой, и я уже немного теряюсь в отношении местоположения. Думаю, Мария Фёдоровна понимает, где мы находимся, поэтому делаю своё дело.

Проходит с полчаса, наверное, или даже больше — в баках половина остаётся, и совершенно неожиданно включается прож

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.